

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Виктор Петрович Астафьев (На сайте размещен только ознакомительный отрывок)
Тают снега
Часть первая
В конце осени

Глава первая

Бегут и бегут с севера тучи. Стелются, клубятся над горами, как дым от пожара – слоистый, лохматый. А земля в самом деле вся в пожаре. В тихом, осеннем пожаре. Деревья объята пламенем. Листья искрами сыплются на землю. Небо низкое, располневшее, с тяжелой одышкой. Трудно представить, что совсем недавно оно было чистым-чистым и тихим. Лишь кое-где его пятнали беззаботные облака. К осени эти облака сделались грудастыми, раздались в теле и нарождали другие облака, а те оперились в мягкое, но темное перо – и началось. Однажды, как всегда неожиданно, ветер подхватил их, помчал куда-то.

Бегут и бегут они торопливо, молча. Ни грома, ни молнии. Тишина.

Лишь птицы кричат тоскливо, пытаясь угнаться за косматыми тучами. Покидают птицы обжитые края, улетают в теплые дали, замыкая свой ежегодный великий путь. Иной раз в разрыв туч выглядывает солнце, посветит нехотя, мелькнет раз-другой – и снова его нет.

И снова полумрак... Снова трусит неторопливо, с деловитым спокойствием дождь, то мелкий, как пыль, то такой прямой и с такими тугими струями, что по ним, кажется, перебираться можно и вверх влезть. Никнут под дождем перестойные овсы, раскисают дороги. Шоферы, воровато оглядываясь, сворачивают на пашню, газуют по хлебам. Дорога, ведущая из города в Сосновоборскую МТС, становится шире, извилистей. Жидкой ржавчиной заливают она края пашен.

Лежат перестойные хлеба, лежат – причесанные ветром, прибитые дождем прядями в разные стороны. Полоски мелкого березника и осинника широкими ножами врезаются в сочные ломти пашен. Из овсов удивленно выглядывают редкие кусты, словно детишки, забредшие сюда по младенческой глупости.

Тихая, но тревожная пора на земле.

По разъезженной дороге идет женщина с большим чемоданом. За ней бредет мальчик. Женщина выбирает места посуше, а мальчишка шагает напропалую. Она иногда останавливается и усталым голосом говорит:

– Ты, пожалуйста, смотри под ноги. Выпачкался, как поросенок.

– Я смотрю. Я смотрю, – твердит уныло мальчишка в ритм шагов.

– Плохо смотришь.

– Откуда знаешь? – приостанавливается мальчишка. – Ты впереди идешь, видеть меня не можешь.

– Ну, начинается, – с досадой оборачивается женщина, – пожалуйста, не хитри и не зли меня. Умный ты у меня парень, Серьга, но и надоедливый.

Женщине лет под тридцать, а может, и поменьше. Выглядит она явно старше своих лет. Может быть, причиной тому хмурая погода, которая всегда угнетающе действует на людей, а может быть, две глубокие преждевременные складки на лбу и какая-то застоявшаяся усталость в глазах. Но есть в ее внешности и такое, по чему можно судить: если стряхнуть с этой женщины этот угнетенный вид, эту усталость, так не идущую к ее лицу, она непременно помолодеет. Сразу-то и не догадаешься, почему это. Может быть, потому, что голову она держит чуть набок, по-детски, словно прислушивается к чему, может быть, походка ее, то порывистая, то вялая, словно человек то вспоминает, что ему спешить надо, то забывает об этом. Словом, та походка, какая бывает у людей с още неустоявшимся характером.

Мальчик – ее сын, но похож он на мать только глазами. Они большие, серые. На подбородке у него ямочка. У женщины такой ямочки нет. Лоб у него широкий и выпуклый. У женщины лоб чуть покатый. Волосы у него черные, почти жесткие. У нее они русые, заплетенные в две косы, из которых пушицею выбиваются мягкие вьющиеся пряди.

Мальчик отстал от матери, бредет уныло, но не жалуется. Она глядит на полегшие хлеба, от них доносит мертвящим запахом плесени.

– Безобразие! Какое безобразие! – возмущенно качает она головой и, поставив на землю чемодан, со строгим видом поджидает сына. – Чего ты, в самом деле, плетешься, как опоенный. Мужчина ты или нет? Говори, мужчина?

– Мужчина, – уныло отзывается мальчишка и садится на чемодан, – и вовсе не опоенный, а вовсе недопоенный...

– Ты что это, с намеками? Пить, да? В сырую погоду нить! Только тебе это и может взбрести в голову! Терпи. Раз мужчина – терпи! На вот платок, вытри нос и

пошли дальше.

– Маленько посидим, мама, а?

– Ох, боже ж ты мой! – поморщилась мать. – Рассидишься ведь ты, Серьга.

– Маленько, мама Тася, – тянет Сережка.

Мальчик называет по имени свою мать в тех случаях, когда надо что-нибудь выпросить. Может быть, на этот раз его прозрачная, детская хитрость не возымела бы действия, но вид у него и в самом деле был очень усталый, и Тася уступила:

– Ладно, посидим немножко.

Мальчик устроился поудобней и смиренно сложил руки на коленях.

– А скоро речка, мама? – спросил он через некоторое время. – Ты давно говорила про речку, пить охота.

– Речка? – Тася помолчала и, думая о чем-то своем, продолжала: Скоро, скоро, и не речка, а целая река.

– Как Кама?

– До Камы ей, положим, далеко, но она, говорят, очень красивая и быстрая. В деревне, может быть, и пруд есть, на нем утки, гусьята плавают, крыльями машут, гогочут... Ты ведь никогда не видел пруд?

Мальчик не отозвался. Голова его склонилась на грудь, и сам он раскачивался из стороны в сторону.

– Бедняжка, – нежно промолвила мать и, обняв его, протянула: Сыно-ок, ты чего это?

Открыв замутившиеся глаза и часто моргая, мальчик попытался прилечь на колени матери:

– Как Серега спать хочет, – пробормотал он, – мама, я маленько, маленько подремаю.

– Нет, нет, сынуля, пойдем. Разоспишься, потом тебя хоть на руках неси, – заговорила Тася и упрекнула себя за то, что не позвонила со станции в МТС насчет машины. Они, правда, долго ехали с попутной подводой и у поворота возница, ссаживая их, сказал, что идти пустяк, километра три с гаком, но гак-то уж очень длинный получился.

– А ну, подьем! Раз! Два! Три! – скомандовала Тася. Команда подействовала на мальчика. Он потер кулачками глаза, подтянул штаны и засеменял впереди матери, надоедая ей расспросами:

– Мама, а почему на небе большая птица стоит на месте и махает крыльями? Это она мыша подкарауливает, да?

Не успевала Тася ответить на один вопрос, как выслушивала десяток новых:

– А почему колоски такие усаые? Чтобы птички не клевали, да? А зачем синие цветочки растут? Их тоже посадили, да?

– Ну тебя, Серега, надоел. Лучше смотри, во-он, на горке, трактор ползает. Видишь?

– Вижу. Как жук.

– Правильно, как жук. Скоро мы подойдем к нему. Дяденька тракторист даст тебе попить, а там уж и до МТС, глядишь, скоро доберемся.

Но долго они еще шли среди желтых хлебов, потом среди свежей пахоты, перепутанной прожилками перерезанных корешков, пока поравнялись с трактором, который с тархтеньем полз от опушки леса к дороге.

Заглушенная рокотом мотора, до Таси доносилась песня. Когда трактор приблизился, она разобрала слова:

...Шла она, к забору пр-ри-ижи-малася,
И спина скользила по гвоздя-ам...

Это была старая блатная песня с переименованными словами. По тому, как пел ее тракторист, с надрывом, по-украински выговаривая букву «г», Тася поняла, что песенник или старый блатяга, или подражатель, каких немало еще среди молодежи. Она насторожилась. Возле дороги тракторист убавил газ, остановил машину и, разминая папироску грязными пальцами, приблизился к ним.

– Приветствую на нашей грешной земле добрых странников, – с улыбкой сказал он и добавил, показывая на ладони: – Руки не подаю, грязна.

Тасе не понравилась и его улыбка одним углом губ, и как держался этот человек: подчеркнута разухабисто. Но она успела заметить: в то время, когда тракторист улыбался, темные глаза его оставались пасмурными.

– Мальчик очень пить хочет, – сказала она, – если бы... если у вас есть глоточек воды?

– Воды? Зачем вода? Найдем кое-что поизящней, – отозвался тракторист и, забравшись на трактор, совсем прикрыл газ.

Мотор чихнул, шмыгнул и захлебнулся. Тихонько напевая, тракторист открыл багажник и вытащил две бутылки: одну с молоком, другую с водкой.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

– Не желаете? – поболтав бутылку с водкой, обратился он к Тасе.

– Спасибо.

– Тогда ваше здоровье! – Он запрокинул голову и начал пить из горлышка. – Эх, крепка, зараза! – оторвавшись от бутылки, он весь покривился, бросил посудину через плечо, похлопал себя по карману, достал папиросу, закурил и, спрыгнув с трактора, подал бутылку с молоком Сережке.

– На, малый, пользуйся. Дядя такой штуки не употребляет. Берет с собой конспирации для...

Все, что он делал, выглядело как-то неестественно, все с каким-то вывертом. И Тася с едва скрытой неприязнью сказала:

– Пашете вы скверно. Зато пьете эффектно, как на сцене.

– Скажи на милость, – скрывая легкое замешательство, всплеснул руками тракторист, – это же святое совпадение. Вы понимаете, час назад здесь был наш бригадир и говорил то же самое. – Тракторист вдруг смолк и быстро повернулся к Тасе: – Простите... вы, собственно, это о пахоте-то почему?

– Да так, интересуюсь.

– Ой-ой, с вами не шути! – в деланном испуге округлил глаза тракторист. – Я-то с простоты душевной принял вас за странников, а вы, надо полагать, из самого министерства? Но почему же на одиннадцатом номере?

– Надежней по здешним дорогам.

– Тоже верно. Уж вы не агроном ли?

– Он самый.

– Их, пропала моя голова! А этот колорадский жучок, пом. агронома, что ли?

– Я не жучок, – заявил мальчик. – Я – Серега!

– Оч-чень приятно! – приложил руку к сердцу уже заметно захмелевший тракторист. – А меня зовут Василий, Василий Лихачев – это по тугаментам, а так, запросто, Васькой кличут. Иногда филоном еще называют. Ага, филоном. Что на обиходном языке обозначает – лодырь. Ничего себе титул, а? Ты давай, Серега, молоко допивай, а то рот открыл. Меня не переслушаешь, я мужик разговорчивый.

Тася, пропуская мимо ушей болтовню тракториста, внимательно присматривалась к нему. И чем больше она на него глядела, тем сильнее разгорались ее любопытство и удивление.

На вид Лихачеву можно было дать не больше тридцати лет. Но когда он снял кепку и начал вытирать подкладкой лицо, среди смолистых, чуть вьющихся волос Тася заметила полоски седины. Лоб у него бледный, с большими залысинами. Лицо тракториста красиво, с мягкими правильными чертами. Пальцы рук длинные, подвижные. Папироску тракторист держит небрежно, как карандашик, между пальцев. И вообще в его движениях, ленивых, нарочито небрежных, много неестественного, свойственного людям, которые еще в детстве пытаются усваивать «хорошие манеры». Нетрудно было догадаться, что человек этот в деревне – залетная птица.

– Узнаете? Так пристально смотрите? – поинтересовался Лихачев.

Тася немного смешалась.

– Да нет, просто смотрю. Что ж, мне в землю глядеть, что ли?

– Если просто – не взыщу. Серега, что же, ваш сын?

– Сын.

– Тэ-эк-с... – Лихачев хотел еще о чем-то спросить, но, заметив, что Тася сомкнула строго губы и чуть нахмурилась, добавил: – Славный пацан, с характером, должно быть.

– Еще с каким, – облегченно отозвалась Тася и поднялась с чемодана. Ну, мы пойдем. Спасибо вам, спасли человека. Большое спасибо.

– Не стоит спасибо. Человеков спасать – это даже очень приятное занятие. Другой раз вот так бы кого-нибудь и спас, ан нету под руками. Н-да, человек, – потрепал он Сережку по загривку. – Вы вот что, посидите-ка еще маленько, скоро эмтээсовский грузовик из города пойдет – определю.

– Да пет уж, мы доберемся потихоньку.

– Как желаете, дело паше, – угрюмо отозвался Лихачев и направился к трактору. – Я это к тому, что человек-то ваш устал, – обернулся он.

Тася заметила, что чем больше хмелел Василий, тем мрачнее становилось его лицо. Он поставил одну ногу на гусеницу, взялся за скобку дверцы и, не глядя, спросил:

– Что ж, добровольно в деревню, по призыву партии, или как?

– Добровольно.

– Патриот, значит? Очень это благородно быть патриотом в наше время. А где жили и работали, если не секрет?

– В городе Лысогорске, медсестрой.

– Далеко-о. Н-да, патриот! Жили, наверное, более или менее спокойно, сносно, а здесь всякое может быть. Деревня! Человеку вон вашему, – ткнул он в сторону Сережки, – спать хочется, есть хочется, а вы его... патриот!

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

– Это не ваше дело.

– Оно так. Оно так, панове, – усмехнулся Лихачев и, снова впадая в игривый тон, помахал рукой: – Ну ладно, будьте здоровы, живите богато и так далее, а я двину вперед, поднимать, так сказать, пласты светлого будущего. Салют, панове!

Лихачев с силой крутнул заводную ручку, трактор хокнул, выбросил дымное кольцо и затрещал прерывисто. Лихачев убавил газ, крикнул:

– Эй вы, как вас там! – Он помахал Тасе, послал воздушный поцелуй. Зубы его сверкнули в улыбке. – Не сердитесь, если можете. Я вообще-то ничего парень, но только с пережитками. Я их в труде искуплю, понятно? – Он хлопнул рукой по кабине и сделал страшные глаза. – Клянусь!

Трактор дернулся, и Василий упал на сиденье. Тася покачала головой.

– Ну и паяц!

Серезка смеялся, весело кричал что-то, подпрыгивал. Тася прикрикнула на него и громко повторила:

– Ну и паяц! И откуда здесь такой взялся?

«Сейчас доедет до леса и завалится спать», – решила Тася. А машина уже вперевалку ползла к лесу, оставляя позади темные валы земли, на которых судорожно извивались перерезанные дождевые черви. Может быть, Лихачев снова затынул какую-нибудь песню, да из-за шума трактора голоса его не было слышно.

Тася с Серезкой успели пройти километра два, когда их догнала автомашина. Мать с сыном посторонились. Машина резко остановилась возле них, и шофер, открыв дверцу кабины, пробасил:

– Лезьте в кузов! – Он поглядел на разбитые ботинки мальчика и переменял распоряжение: – Садитесь в кабину, а чемодан в кузов бросьте. Лихачев насчет вас хлопотал. Довези, говорит, не растряси, чтобы ни мур-мур.

Язык у шофера тоже заплетался, и Тася поняла, что Лихачев не только похлопотал, но и добавил вместе с шофером.

Директора машинно-тракторной станции в кабинете не оказалось. Тася с Серезкой долго сидели в приемной. Серезка начал клевать носом. Заметив это, неразговорчивая горбатенькая секретарша положила на железную кассу пузатую папку с бумагами и буркнула:

– Ложите мальчишку, чего мучаете?

– Спасибо, – робко ответила Тася и бросила на кассу свой жакет. Серезка, Серезенька, подремли вот здесь, малыш.

Серезка, не размыкая век, свернулся на старинной огромной, как ларь, кассе, а Тася вышла в коридор.

Откуда-то доносились звуки радио. Из-за двери с разбитым стеклом слышался сердитый голос:

– Ты мне арапа не заправляй! Ясно? Ты мне просто скажи: погасишь задолженность или я тебя в суд поволоку? Ясно?

При каждом слове «ясно» говоривший, словно подбивая итог, щелкал костяшками счетов.

Тася пошла на звуки музыки, летевшие из конца коридора, и очутилась перед раскрытыми дверями красного уголка. Там была хорошая мебель: диваны, полумягкие стулья, имелись небольшой бильярд, приемник, запыленное пианино. Посредине стоял стол, накрытый красным сатином. На нем так и сяк лежали газеты, обтрепанные журналы. Все стояло небрежно, все было захватано грязными руками. Тася постояла у раскрытых дверей, понаблюдала за игрой двух шахматистов, которые сидели в облаках дыма, послушала музыку, доносившуюся из приемника, попыталась угадать, чья она, не угадала и пошла обратно. Секретарша сказала:

– Директор приехал. Я сейчас доложу. А мальчика мне пришлось побеспокоить.

Секретарша с пачкой каких-то бумаг скрылась в кабинете. Тася присела рядом с Серезкой на стул и погладила его по ершистым волосам.

– Не дали тебе поспать?

– А я и не хочу спать, – с зевком заявил Серезка и добавил: – А дяденька начальник – высокий такой, сердитый и чудной. Спрашивает меня: «А ты зачем, Митя, сюда пришел?» А я говорю: «Я не Митя, я Серезка». Он на меня поглядел, а потом сердитый сделался и ушел. А у него, мама, на правой руке только один палец, смешной такой, как крючок.

– Один палец? – почему-то обеспокоенно спросила Тася и уже обычным голосом заключила: – Мало ли дяденек с одним пальцем, а то и совсем без пальцев. Война ведь, сынок, прошла.

Дверь кабинета полуоткрылась и, отвечая что-то директору, секретарша на ходу, скороговоркой бросила:

– Хорошо-хорошо, я сейчас схожу. Нет-нет, не забуду, – и, выйдя из кабинета, обратилась к Тасе: – Пожалуйста, к директору.

Тася надела жакет, застегнула на пуговицы, торопливо поправила прическу, достала из сумочки документы.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

– Будь умницей, Серега, я скоро, – волнуясь, наказала она сыну и пошла к директору.

Кабинет был узенький и длинный. В дальнем его конце, поперек, почти от стены до стены, размещался большой письменный стол. Вдоль стен по обе стороны стояли разномастные стулья.

Директор что-то доставал из правого ящика стола, и Тася вначале увидела только профиль его с хрящеватым носом, с круто вздернутым подбородком. Что-то мучительно знакомое было в этом лице.

– Здравствуйте, – немного постояв, тихо сказала Тася.

– Здравствуйте, здравствуйте, садитесь, пожалуйста, – не поднимая головы, ответил директор и начал с силой задвигать ящик стола. Толкнув его несколько раз, он буркнул: – А, черт! – повернулся к Тасе да так и застыл. К лицу его вначале прилила кровь, потом оно побледнело. Ямка на подбородке, похожая на большую вмятину, сделалась особенно заметно; вздрогнул и заплесал на столе единственный палец правой руки. А Тася отступила на шаг и подняла сумочку так, будто пыталась загородиться ею. Потом спохватилась и медленно, как-то неуверенно села на стул.

– Ты-ы! – протянул директор, и они долго сидели, не говоря ни слова, глядя друг на друга.

– Я, – наконец молвила Тася с какой-то жалкой, вымученной улыбкой и еще более растерянно повторила: – Да, я-а... – Говорила медленно, врястяжку, а в голове металось: «Да что же это такое! Как же это так? Да неужели? Неужели? Да это же самое худшее, что могло случиться!.. Уйти! Убежать от этого наваждения!»

Она быстро вскочила, пошла к дверям.

– Куда ты, погоди! – услышала она и заспешила еще больше, но никак не могла найти ручку двери, а нащупав ее, рванула так, что дверь ударила ее.

Секретарши в приемной не было. Сережа обрадованно встретил мать:

– Ты уже поступила, мама, на работу? Сейчас мы на лошадке поедем, да?

– Пойдем, сынок, пойдем, я поступила на работу, – тянула его Тася из приемной. – Где же сумочка? Мы пешком, недалеко, а потом на поезде... куда же я засунула документы?.. Мы на поезде... сынок... ты не видел?..

– Сумочка осталась на стуле, – сказал появившийся в дверях директор. Ты что, бежать? Погоди... поговорить надо... решить...

– Решить? Чего же решать?.. А-а, да-да, решить необходимо. У меня ведь направление обкома, направление... – Она вдруг замолкла, огляделась по сторонам и, до хруста стиснув пальцы, уже спокойнее добавила: – Да, да нужно и в самом деле решать... решать, решать, решать... Сколько же можно решать! – вскрикнула она, и спазма захлестнула ей горло. Но она пересилила себя и тихо, уже упавшим голосом закончила: – Ну что ж, будем решать!...

Сережка смотрел на мать с недоумением, собирался что-то спросить, но в это время вошла секретарша и удивленно приподняла брови.

– Уже? Быстро управились. Надеюсь, все в порядке?

– Маленькая закавыка получилась, – холодно отрубил Тася и снова пошла в кабинет.

Директор ждал, стоя у стола. Он читал ее диплом. При появлении Таси нашарил папироску в портсигаре и закурил. Несколько яростных затяжек окугали лицо его дымом, и, отгородившись этой ненадежной завесой, он заговорил торопливо, словно боялся, что его прервут:

– Вот ведь гора с горой... неожиданно, понимаешь... Мне звонили из обкома, а я думал, совпадение фамилий... да ты сядь... конечно, такое дело оглоушит, но убежать-то зачем?

У Таси была давняя спасительная привычка: в трудные минуты читать что подвернется на глаза и складывать буквы попарно. Пока директор лепетал торопливо и бессвязно, она успела пробежать заголовки газет, лежавших на столе, и несколько справиться с собой.

– Хорошо, если вы так и будете думать, что здесь простое совпадение фамилий, – голос ее начал пресекаться, и директор перебил ее, изо всех сил стараясь убрать с лица натянутую улыбку:

– Я ведь... Все же интересно, как ты в нашу эмтээс попала... я думал... все-таки... ты вот на агронома выучилась? Специальность... Ничего, нужна специальность. Нам вот нужны агрономы...

Было до странности неловко смотреть, как этот немного грузный, по виду степенный человек с открытым лицом заикается, не зная, что говорить. Должно быть, смятение, в котором потонули и его обычное добродушие, и прямота, помогли Тасе совсем преодолеть растерянность. Она заставила себя говорить почти твердо:

– Попрошу скорее проделать все формальности и направить в колхоз, бежать мне действительно не следует. Есть на свете такое, от чего, по-видимому, не убежишь.

Директор сидел не поднимая глаз. Деловой тон Таси подействовал на него. И

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

все-таки по вздрагивающему веку, по этому непрерывному прыганью изувеченной руки можно было догадаться, что творится в его душе. После продолжительного молчания он прямо взглянул на нее.

– Я конечно, не имею права советовать вам, тем более учить, но это касается в большей мере вас, чем меня. Вы не думаете, что нам будет не совсем... э-э... удобно в одной эмтээс... может быть, стоит подумать о переназначении. Я бы мог в соседнюю...

– Не заботьтесь о моих удобствах, – перебила его Тася и, презрительно усмехнувшись, добавила: – Поскольку назначение сделано, я менять его не собираюсь. Хватит с меня. – Она покусала губу и закончила: – О своем благополучии не беспокойтесь, я не мстительная...

– Да не в этом дело, – поморщился директор. – Ваше право судить обо мне как угодно и поступать со мной как вам заблагорассудится. Но, концы-концов, я сейчас меньше всего думаю о своей персоне.

– Я приехала работать, у меня ребенок, – повышая голос, отрубилась Тася, будто не слыша его слов. – Будьте добры определите меня на место, большего я не требую.

– Это ваш мальчик там, в приемной?

– Мой.

– Замуж выходили?

– Где уж нам уж выйти замуж! – нервно, с глухой болью рассмеялась Тася. – Без замужа сумела, своим умом дошла...

– Вы очень изменились, погрубели...

– Разве? Удивительно! Как это я умудрилась огрубеть?! – опять рассмеялась Тася, и в голосе ее зазвенели слезы. И, снова резко перескочив с дурашливого тона на серьезный, точно размышляя вслух, выдохнула: – Да-а, глупенькой, беззаботной девочки на свете уже нет. Она умерла восемь лет назад, восемь лет! – Тася покачала головой и снова закусала губу, чтобы не разреветься.

Директор снова полез за папироской и, громко кашлянув, взял в руки ее диплом.

– В Лысогорске учились?

– Да.

– Каким образом туда попали?

– Долго рассказывать.

– Угу... Ну вот что: завтра поедете в колхоз «Уральский партизан». Колхоз крупный, работы много. Тяжелый колхоз. Но больше никуда направить не могу. Везде агрономы уже есть. – Директор помолчал и прибавил, уткнувшись взглядом в стол: – Не подумайте, будто я нарочно туда спроваживаю.

– Далеко колхоз?

– Нет, в двух километрах.

– Тогда я постараюсь сегодня же уйти туда. Попрошу дать команду, чтобы без задержек оформили. И денег дали, аванс, что ли. Мы поиздержались в пути.

– Сегодня так сегодня, – виновато буркнул директор, – только у нас транспорт в разъездах, подождали бы... – Он замолк на полуслове и больше не заговаривал.

«Это самое подходящее время, чтобы уйти», – подумала Тася и поднялась. Уже от дверей она обернулась:

– Скажите, Николай Дементьевич, вы в партию вступили?

Директора так и передернуло.

– Вступил, – глухо промолвил он и испуганно ждал еще чего-то. «Вот оно, начинается!» – холодея, подумал он, но Тася больше ничего не спросила, а, бросив на ходу что-то похожее на «всего доброго», вышла в приемную.

Сережи там не оказалось. Тася отыскала его в красном уголке, принесла сюда чемодан и достала мальчику бутерброд.

– А ты? – спросил он у матери.

– Я? Я не хочу, Сережик... сыта. – И мальчику показалось, что она вот-вот заревет. Тогда он решительно сунул ей бутерброд обратно и заявил:

– Не буду я один есть.

Пришлось Тасе отломить кусочек и жевать, жевать хлеб, который сразу стал тугим и горьким. В горле стоял твердый, как железо, комок, и она никак не могла проглотить хлеб.

Часа через три Тася Голубева с Сережкой вышли из конторы МТС. Они направились вдоль берега реки Кременной к деревне Корзиновке, где находилось правление колхоза «Уральский партизан».

Стояла все такая же тихая и сырая погода. По реке плыли и покачивались пестрые листья. Местами течение загоняло их табунками в заливчики, и они колыхались у берега, обсыхали на камнях, свертывались, чернели. Мыс острова, который начинался неподалеку от деревни Сосновый Бор, тоже скрывался под настилом листьев. На той стороне протоки маячил стог сена. Из него торчала жердь, и на ней окаменел, подстерегая добычу, ястреб-канюк. Тишина крутом. Даже

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
было слышно, как в заречной деревушке что-то рубили, а может, колотили вальком белье на реке.

Тася с Сережкой спустились к ручейку, запустившемуся в прибрежном кустарнике. Чуть повыше дороги в ручей был вставлен долбленный из осины желоб. Сережка жадно припал к нему, глотнул студеной воды и начал баловаться, дуя на падающую с желоба струю.

– Бур-р-р-ль!

– Довольно, Сережа, не шали, вода холодная. – устало сказала Тася и, легко отстранив сына, напилась сама. Она утерла губы краем белого шерстяного шарфика, накинула его на голову, огляделась по сторонам и села на ворох листьев под старой липой.

Сережа гонялся за вяло порхающей живучей осенней бабочкой, поймал ее, с воплем бросился к матери, держа руку над головой. У ручья он запнулся и шлепнулся животом в воду.

– Так я и знала, что ты натворишь чего-нибудь, – сказала Тася и сердито прикрикнула: – Чего носом шмыгаешь? Иди, я рубашонку отожду.

Сережа медленно приблизился к матери, не выпуская бабочку из руки. Тася закрутила жгутом подол его рубашки, отжала, шлепнула мальчишку по мягкому месту и приказала:

– Сиди и не прыгай!

Сережа покорно сел. Тася расстелила на коленях шарфик, положила на него голову мальчика и, перебирая пальцами жесткие волосы, нежно и грустно вымолвила:

– Полежи немного... Дай покой...

Сережа закрыл глаза и задремал, убаюканный шорохом падающих листьев. А эти последние листья опали совсем уж лениво. Каждый лист, перед тем как упасть, из последних сил держался за ветку и, когда его все-таки отрывало, долго плавал в воздухе, рисуя прощальные письма.

Вот качнулся на ольхе бледно-желтый лист величиной с детскую рукавичку, сорвался с ветки, пошел косо к земле, но тут же зацепился за другую. Повисел на ней и, как полураскрывшийся парашют, упал вниз. Вслед за ним посыпалась целая стайка продолговатых листочков с ивы. Эти похожи на мелких рыбешек – и мечутся в воздухе бестолково, как испуганные малявки. Осинные листья, точно яркие пластики свеклы, уже валяются на земле. День-два – и они утратят свою причудливую окраску.

Но Тася не замечала ничего этого, никакой осенней красоты не замечала. Она смотрела вверх кустарников и беззвучно плакала.

Тихо вздыхала стонущая земля, на которой кое-где качались тронутые инеем блеклые цветы.

Еще ниже опустилось небо. Сверху катились и катились мелкие слезы, будто насильно выжимали их из неопрятных, грязных облаков.

По земле брела осень...

Глава вторая

Где-то в горах высекались из камней светлые ключи. Падая вниз со скалы, они превращались в ручей. Студеный, легкий, болтливый, он суетился между камней, кустарников и зеленых папоротников с древним, таинственным запахом. Там, между кочек и густых зарослей, он отыскивал и обвораживал чуть слышным говорком студеные ключи, хлопотливые речушки и соблазнял их в далекий поход, за темные горы.

Так он мчался дальше и дальше, наполняясь водой, становился яростней и круче нравом, превращаясь в реку.

Труден путь реки Кременной. Куда ни повернется она, всюду скалы, скалы. Как только они не именуются! Тут и кряжи, и мысы, и седловины, и столбы, и быки, и просто безымянные. Каждую такую преграду нужно было подточить, обрушить. Иногда Кременной приходится отступать, делать «крендельки» километров по десять. Обозлится она, зашумит, заплещет так, что пена клочьями летит. Ринется бешено на мрачные, невозмутимо спокойные скалы и, удовлетворенно затихнув, потечет дальше.

Возле деревни Корзиновки Кременная ведет себя в межень тихо, подобно рекам средней полосы России. Здесь реке и реке горы купают свое подножье в реке. Отступились они от нее, неумной и своенравной. По обеим сторонам реки заливные луга; дальше тянутся деревушка за деревушкой, одна выше, другая ниже, одна больше, другая меньше, но все очень схожие. В каждой из них дома из круглого леса, поставленные преимущественно окнами к реке. Под окнами, разукрашенными причудливыми наличниками, – черемухи, изрезанные ножом скамейки у ворот, и неизменная речушка посередине деревни. Возле речушки уютятся ломаные-переломанные, но удивительно живучие кусты тальника, черемухника и пахучего смородинника.

На краю Корзиновки стоит церковь, которую давно уже никто не белит, но она все равно белая. С какой бы стороны ни подходил к Корзиновке человек, он

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
обязательно сначала замечал церковь. В церкви кладовая, а кладовщиком Миша Сыроежкин. Когда он был выпивши, затягивал свою любимую песню:

...Я вор-р-р-р, я бандит,
я преступник всего мир-ра...

Голос его гудел под высокими сводами церкви так, что мирно дремавшие там воробы поднимали панику.

Еще до войны за дебош, учиненный в городской пивнушке, Миша побывал в милиции. После того считает себя Миша отчаянным человеком и поет исключительно «каторжанские» песни. Никогда Миша не убивал себя трудами, но кое в чем колхозу помогал. Перед войной он сделался даже бригадиром, и односельчане пророчили: «Скоро ты, Миша, в председатели махнешь!» На это Миша неизменно отвечал: «А что ж, ежели курсы закончить...»

Но этим пророчествам не суждено было осуществиться. Имелась у Миши пагубная привычка – любил он выпить. И это бы ничего, но, напившись, он буянил.

Никто в деревне Миши не боялся. Однако дома он пугал детей и жену Августу. Однажды Миша перебил всю посуду, переломал ухваты и одним из обломков вытянул жену вдоль спины. Ребятишки, спрятавшись на кухне, заревели. Тогда Миша зверским взглядом обвел избу и, заметив висячую лампу, заорал:

– Моя шея горит! – И трахнул по лампе кулаком. – Все пр-приломаю! – неистовствовал он в темноте.

– Небось, кринку с самогоном не ломаешь. Перед носом твоим большущим стоит, – сказала Августа, не находя в печурке коробку со спичками.

– Чего? – зловеще спросил Миша и чертом пошел на огонек, зажженный женой. – Огрызаться?!

И тут эта крепкая, работающая женщина, на которой, по существу, держалось все хозяйство, не выдержала:

– Да что, на самом деле, тебе старый режим, что ли?! – И, схватив его в беремья, потащила к реке. – Хватит, кровь всю мою выпил... уж ни кровиночки не осталось.

Хмель моментом вылетел из Мишиной головы.

– Августа! Ты чего? Пусти! Мужики увидят! Гусанька, жена моя... Слышишь?! Туды твою... Ай-яй! Караул!

Августа бросила его в холодную воду.

С тех пор перестал Миша буйствовать дома, только на стороне он позволял себе иногда встряпнуться, за что и побывал в милиции.

Церковь стояла у дороги. Миша первый увидел женщину и мальчика, одетого в коротенькое пальтишко и обутого в стоптанные ботинки.

Поравнявшись с церковью, женщина остановилась, перехватила чемодан из одной руки в другую и, заметив Мишу, направилась к нему. Туфли ее на массивном каучуковом каблуке чуть запачкались; немного выющиеся на виске волосы были припорошены дождевой пылью и свисали легкой прядкой на глаза. Тася досадливо подобрала волосы под шарфик, но прядка снова выпала.

– Это что за пассажиры?! – удивленно пробормотал Миша и торопливо поднялся навстречу женщине и мальчику, стряхивая табачные кротки с подола рубахи.

– Скажите, пожалуйста, как найти правление колхоза?

– Правление? Правление покажем, ежели интересуетесь. Вот, стало быть, пойдете напрямиком, там будет речка, можно сказать, даже ручеек, Корзиновка называется... А вы кто будете? Я, конечно, в порядке простого любопытства, – немного рисуясь и приосаниваясь, употребляя «городские» слова, торопился Миша.

– Агроном я, в ваш колхоз...

– Агроно-ом?! Я сейчас, сейчас провожу! Агроном! Видишь ты! Стало быть, председателю бабу под задницу мешалкой, – забыв о деликатных выражениях, наговаривал он, гремя старинным церковным запором из толстой железной полосы и навешивая современный замок с буквами «ЛЗ». – Позвольте чемоданчик, – учтиво предложил Миша. – Насчет похищений не беспокойтесь.

– Да что вы, что вы!

Тася отдала чемодан и не сразу смогла поднять оттянутую руку и выровнять плечо.

– Парнишка-то ваш будет? – спросил Миша, посмотрел на поцарапанные коленки Сережи и одобрительно улыбнулся: – Атаман!

– Не говорите.

– Люблю отчаянных... Я сам такой... – Миша чуть не завернул крепкое словцо в подкрепление, но вовремя спохватился и продолжал; – Понравится вам в Корзиновке. Старинное село. Председатель только... – Миша плюнул в сторону и махнул рукой. – Стало быть, агроном? Н-да, хорошие дела. Человек со специальностью, с грамотешкой, а его, значит, пехом? Иди, тащись, а председателюша вон по гостям

на рысаке ездит. Порядки тут... – Миша закусил язык.

Тася, одуревшая от усталости, вначале невнимательно слушала своего спутника, но по мере того, как он расхохотался, все больше заинтересовывалась им, и, почувствовав к нему симпатию, с улыбкой разглядывала его. В этом человеке, с рыжими, колючими волосами, с лицом не злым, но хорохористым, было что-то располагающее к нему.

– А с мужиком-то что, расхожденье получилось? Даже на такой вопрос ему было легче ответить, чем другим.

– И не расхожденье даже, а ерунда получилась.

– Есть ноне путаников-то, нашего брата. Заерундят ребенка бабе и лыжи смажут, – сочувственно проговорил Миша и неизвестно почему вздохнул: Ох-хо-хо, житуха! Звать-то вас как? Таисья? Это хорошо, наше имя, простое. А я думал, Клара или Эльвира. Ноне мода на такие культурные имена. Есть у нас тут Клара...

Если бы Миша и не показал, Тася все равно догадалась бы, что правление колхоза располагается в большом бревенчатом доме с полинялыми наличниками, со старинными изувеченными воротами, возле которых преждевременно умирали обломанные черемухи и сухой тополь с одной зеленой веткой.

Тася бывала несколько раз в колхозах Лысогорского района на хлебоуборке, и там правления колхозов размещались в самых добротных и больших домах. Но запущены они, замызганы так, что приезжий человек лишь по вывеске и может отыскать правление. Правда, в одном из лысогорских колхозов Тасе очень понравилось. Там было все крепко, начиная от правления и кончая надворными постройками колхозников. И люди жили степенно, зажиточно, как настоящие хозяева.

Именно в таком колхозе хотелось пожить и поработать молодым специалистам. А если в отстающий попадут, то превратить его с помощью своих трудов в образцовый. Вместе со всеми мечтали об этом и Тася.

И вот она, так сказать, на пороге своей мечты. Как-то начнется ее новая жизнь?

Они приблизились к дому на горе. Земля у ворот правления была плотно притоптана, даже трава не росла, среди грязи, размешанной скотом, лениво текла Корзиновка, разделяя деревню пополам. Течение ее чем дальше, тем медленнее. У самой протоки она набегала на препятствие и падала отвесно в широкую яму, вымытую ее упругой струей. С правой стороны, почти на самом углу яра, стояла, отдельно от них, севшая на середине изба. Половина окон в ней заколочена крест-накрест досками. Из-за досок пустыми глазницами мрачно глядели окна.

Тася на секунду задержалась взглядом на этой избе и шагнула вслед за Мишей в ворота правления. В крытом дворе валялось много разного хлама. Стоял зачем-то старый плуг, половина телеги, ржавая железная печка, и старый коричневый лапоть валялся тут же. Веника на крыльце не было. Тася оскоблила подошвы о ребро ступеньки и вошла в правление. Прямо перед ней оказалась заборка из нестроеной досок. В щели плыл дымок, пахло махоркой. Слева – створчатая дверь, в которой когда-то имелись стекла. За нею два парня в телогрейках и фуражках, насупившись, играли в шашки, половину которых заменяли пуговицы и обломки спичечных коробков. Дальше – другая дверь, па ней клочок бумаги. На клочке кривые буквы: «Бухгалтерия».

– Вот, значит, наши главные апартаменты, – смущенно, словно извиняясь, проговорил Миша и открыл дверь, ведущую за перегородку.

– Сам Миша свет Сыроежкин! – засмеялся кто-то, увидев входившего кладовщика, но осекся при появлении Таси и мальчика.

– Вот и мы, прямо с Пензы в Корзиновку! – засмеялся Миша. – Привел я агрономшу новую. Во – она, – показал он, – молоденькая дамочка, а это ее помощник, – потрепал Миша по голове Сережку.

– Здравствуйте, – сказала Тася краснея. – Где я могу увидеть председателя?

– Подождать придется. На нашем председателе колокольчика нет, не вдруг сыщешь, – лениво отозвался пожилой мужчина, одетый в пиджак с протертыми локтями. «Бухгалтер», – решила Тася и, отыскав глазами табуретку, присаживаясь, сказала:

– Подождать так подождать. Ух, утомились мы. Далекое, оказывается.

Тася явно старалась завязать разговор, но ее никто не поддержал. Только Миша Сыроежкин через некоторое время протянул:

– Да-а, не близко, – и засобирился. – Ну я пошел.

– Спасибо вам.

– За что спасибо-то? Устроитесь, к нам заходите, рады будем.

Миша ушел. Бухгалтер курил «Ракету», и дым слоился по комнате, временами вовсе скрывая его седую голову с массивным лбом.

В помещении было застойно, душно. В одном конце комнаты, где виднелась дверь с надписью «Председатель», молодая красивая женщина, похожая на разбитную цыганку, читала «Пионерскую правду» и исподтишка разглядывала Тасю. Здесь же

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

стояли еще два стола, но за ними никто не сидел. В углу шкаф, и на нем, подпирая потолок, лежали толстые затрепанные книги. На их корешках выведено: «Тысяча девятьсот...» Среди комнаты в деревянном ящике с песком лежала безногая буржуйка, вокруг которой валялся слой разнообразнейших окурков. От трубы, выведенной в окно, тянулась паутина, цепляясь тончайшими нитями за пухлые книги.

Единственным предметом, на котором задерживался и отдыхал глаз Таси, был горшок с геранью. Из-за того, что ее не поливали и совали в горшок много окурков, герань захирела, но все еще цвела из последних сил каким-то неестественно ярким цветом, похожим на истлевающий уголь. По давно не мытым стеклам ползали мухи и опрокидывались па подоконник кверху лапами. Одна из них набралась сил и полетела по комнате, бестолково кружась. Она скоро угодила в паутину. Из-за шкафа проворно выполз паук. Он сцапал муху и исчез с ней в пыльных дебрях толстых книг.

Долго сидеть так было невозможно, и Тася робко заговорила, не обращая ни к кому, в надежде, что кто-нибудь да ответит:

– Трудитесь, значит, итоги подводите?

Бухгалтер, не отрывая глаз от бумаг, почесал линейкой выразительный кадык и вздохнул:

– Тут неизвестно, кто кого подводит: мы итоги или они нас. – Он записывал какую-то цифру в журнал с рябыми корочками, затянулся последний раз от тощей папироски, натренированным жестом швырнул ее к печке и глянул на Тасю из-под лохматых бровей маленькими, очень пронзительными глазами.

– Вы вот что, Таисья, как вас там, Петровна, кажется, идите и определяйтесь на квартиру. Председателя едва ли сегодня изловите. Директор эмтээс звонил насчет вас, председатель знает и велел в случае чего направить вас ко вдове Макарихе. У нее одна половина избы свободна, так что можете оккупировать. Только едва ли понравится. Разрушено там все. Ну, впрочем, сходите, сами увидите.

– Спасибо. А как мне найти эту вдову Макариху?

– О, очень просто. Четвертый дом от правления, в устье Корзиновки, на самом крутояре. Да любого встречного спросите, он вам укажет дом Макарихи. Бабенка популярная.

Тася без расспросов нашла Макарихин дом. Это оказалась та самая изба, что, словно напоказ, выскочила из улицы на крутой яр и одним краем висела над распадком речки Корзиновки, а другим почти касалась края обрыва над Каменной. Она напоминала старый, разбитый барак. Да это, видимо, барак и был, сплавленный по дешевке с верховьев Кременной из заброшенных поселков. Еще до сих пор считается очень выгодным делом покупать дома в верховьях, сплавлять их и собирать на месте. А прежде для бедноты это был единственный способ обзавестись своим углом. Разбираться не приходилось: барак или какая другая халупа. Пятистенок и в верховьях имел цену.

Створка ворот открылась, и Тася с сыном вошли в чисто подметенный крытый двор, в дальнем конце которого виднелась поленница. Рядом стояли козлы для распиловки дров, а в старых опилках копошились куры. На крашеном крыльце лежал веник из пихты, на стене висела, поблескивая острыми зубьями, пила. Все было прибрано, приколочено, сделано не бабьими руками. «Даже не похоже, что вдова здесь живет», – подумала Тася и постучала в дверь.

Открыл подросток лет пятнадцати и удивленно уставился на нее темно-кариими глазами.

– Скажите, мальчик, а ввв... ммм... вдова, по фамилии Макарова, здесь живет?

– Н-нет.

– Как же нет? А мне в правлении сказали, что четвертый дом... на яру...

– Так вам как сказали? Макариха или Макарова?

– Сказали: Макариха.

– Так бы и говорили. Макариха – это мама, а Макаровой у нас вовсе в деревне нет. Проходите, пожалуйста. Вы что, новый агроном? Да? А это ваш сын, да?

– Как это вам стало все известно?

– Деревенское радио.

Тася хмыкнула и вошла в избу. Пахло свежим хлебом, известкой и какой-то травой. В избе было чисто, но по-деревенски просто и бедновато. На полу лежали старые половики. На них местами, словно листья кувшинок на озере, виднелись плетенью круги. На окнах висели много раз чиненные тюлевые занавески. В углу, где в прежнее время располагалась божница, висел плакат с нарисованными на нем бидонами и комолой коровой. Угол плаката оборван. Чуть повыше плаката в деревянных рамках несколько похвальных грамот за учебу и, как обычно, множество фотокарточек, маленьких и больших, потускневших от времени, и новых, не утративших свежести.

Из передней виднелся край кровати, заправленной одеялом из лоскутков, и огромный, под потолок, фикус, стол, покрытый вязаной скатертью, зеркало с

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
паутинообразной трещиной. С чисто выбеленной печки, приподняв ситцевую занавеску, на Тасю и Сережку уставились три пары таких же темпо-карих глаз, как у мальчика, открывшего дверь.

Тася улыбнулась, стягивая шарфик:

– Ну, здравствуйте, молодые люди. А где ваша мама?

– Она на ферме, – отозвались голоса с печки.

– Тогда давайте знакомиться, – сказала Тася и подала старшему руку. Меня зовут Таисья Петровна. Можно просто тетя Тася.

– Юрий, – сказал старший и смущенно высвободил руку. – Вы проходите, ставьте чемодан. Скоро мама придет и будем обедать. Сына вашего как зовут? Сережей?

– Ты вот что, Сережа, полезай к малышам, да не бойся, не бойся, чего за маму уцепился? Эй, Галька, Костя, Васюха, приглашайте Сережу к себе.

С печки спустилась лет двенадцати девочка, за ней Костя и толстый, краснощекий бутуз – Васюха. Все они были здоровы, румяны и, видимо, очень озорны. Васюха сунул палец в рот и, раскачиваясь из стороны в сторону, сказал:

– Айда, Сележа, к нам иглать во двол.

– Беги, беги, сынок, – подтолкнула Тася Сережу, – будь смелей. Видишь, какие ребята славные, они тебя не обидят. Минутку, ребята, одну минутку. Тася быстро открыла чемодан и сунула в руки Сереже пакет с конфетами. – На, угощай.

Ребята шумной ватагой выскользнули из дому, а Тася и Юрий некоторое время сидели молча.

– Учишься, Юрий?

– Да, нынче в седьмом.

– Отец погиб?

– Нет, он умер от ранения. Его уже в сорок пятом ранили, в Германии. И, как всегда бывает в таких случаях, они горестно помолчали на этом месте.

– Мама кем работает на ферме?

– Бригадиром. А вот и она, – радостно встрепенулся Юрий, услышав, как звякнула щеколда у ворот. – У нас мама хорошая, – как что-то сокровенное, тихо сообщил Юрий и смутился.

Дверь в избу осталась приоткрытой, и Тася услышала спокойный, немного усталый голос:

– А это чей же такой худышка? Агрономши-и, вон ка-ак! Славный мальчик. Ну, играйте, играйте, потом есть вас позову.

Тася почему-то оробела и вся подобралась, ожидая эту «популярную бабенку». Дверь открылась. Через порог ступила высокая, полногрудая, повязанная полушалком женщина. Она скользнула по Тасе большими, чуть подернутыми усталостью глазами и молча разделась. Затем медленно подошла к Тасе и подала руку.

– Лидия Николаевна, попросту – Макариха. Это моего мужа Макаром звали. – Рука у Лидии Николаевны была теплая, но жесткая, а рукопожатие порывистое и сильное. Тася тихо назвала себя и робко прибавила:

– Новый агроном, к нам на постой, в ту половину, а она еще заколочена...

– Вот и хорошо, что сюда зашли. Я сегодня скажу Якову, чтобы он там окна уделал, двери, печь в порядок привел. Потом мы вместе все приберем, побелим и будем соседями.

Лидия Николаевна сказала это обыденным голосом, как давно намеченное и само собой разумеющееся, а затем с задумчивой улыбкой прибавила:

– Не робейте и не бойтесь ничего. Правление вас, наверное, напугало, да ведь правление это еще не колхоз. Ох, что это я? – спохватилась она. Соловья баснями не кормят. Давайте собирать на стол.

Она повязалась ситцевым платком, надела передник и сразу сделалась ближе и проще. Доставая из печки объемистый чугунок с отбитым краем, усмехнулась:

– Ишь, дома-то у нас сегодня, как праздник, чисто, благодать. А то ведь у меня ребята смирные: придешь иной раз домой, даже русская печка на месте стоит.

Разговаривая так, Лидия Николаевна ловко орудовала ухватом.

Тася молча следила за ее сильными неторопливыми движениями.

– Юрий, ну-ка сбегай в погреб за огурчиками, – сказала Лидия Николаевна и с чисто женской горечью добавила: – Худо жить стали мы, и гостя по-доброму попотчевать нечем. Это уж из-за войны навалилась на нас нужда. Раньше нас рукой было не достать. Соседи мои, в той половине дома, не выдержали, в город сбежали, а семья работающая. И многие так-то. Живут сейчас в городе, тоску по родному углу в сердце носят. – Лидия Николаевна покачала головой и вытерла о передник руки. – Ну, ничего, будет лучше, добьемся. Расшевелило новое постановление людей и в городе, и в деревне. Вот новый специалист к нам прибыл помогать, – улыбнулась Лидия Николаевна, глядя на Тасю, и пригласила: – Подвигайся, Тасюшка, к столу, уж чем богаты.

– Да какой я гость?!

Лидия Николаевна молча посмотрела на нее и вышла во двор.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

– Рсбята-а! – услышала ее голос Тася. – Есть ступайте! – Повернувшись, она рассмеялась: – Уже подружались, удочки снаряжают. Берегитесь, пескари!

На стол поставили вареную картошку, огурцы, капусту, свежий ржаной хлеб – и работа началась. Черноглазые ребяташки молотили так, что над столом только ложки мелькали да слышалось шмыганье носами. Сережа старался от ребят не отставать, обжигался горячей картошкой, и, когда она застревала у него в горле, Васюха молча и деловито колотил его по спине кулаком.

Лидия Николаевна поглядывала на них, неторопливо ела и, накладывая из чугуна картошку на тарелку, задумчиво говорила:

– В нашем доме не совсем уютно, но все же за Сережей догляд будет, да и нам, двоим бабам, повеселей.

Тася поглядела на эту статную женщину с кое-где подернутыми сединой волосами, на полное застолье ребяташек с вспотевшими носами и вдруг облегченно вздохнула. Напряжение с души свалилось. Она поняла, что у нес появился друг. Первый и, кажется, большой.

Окна, обращенные к реке, начали темнеть. По стеклам постукивали, как малые птенцы, капли дождя. На деревню спускался дождливый, осенний вечер. А в доме многолюдно и, может быть, оттого тепло.

В этот же непогожий вечер Николай Дементьевич сидел у себя дома и делал вид, что читает. Перед ним лежала раскрытая книга, и он временами, спохватившись, перелистывал страницу-другую, по мысли его были далеко. В жизнь его, распахнув настежь дверь, ворвалось прошлое.

Все уже почти затушеввалось: и вешний яркий День Победы, и наивная сероглазая девушка, и даже та записка в несколько слов с подленькими, хотя и честными, с точки зрения некоторых людей, словами. Николай Дементьевич всегда хотел, чтобы автором этой записки был не он, ну хотя бы в мыслях. Правда, сделать такое не удавалось. Гаденькое чувство настойчиво проникало в сердце, когда он думал о том, как бесцеремонно обманул молоденькую девушку, почти дитя, воспользовавшись ее доверчивостью. Однако время сделало свое дело. Прошлое вспоминалось реже и реже. И вот!

Тайся Голубева – агроном и та – юная, госпитальная сиделка... Что в них общего? Почти ничего. «А я-то думал, что от совести укрыться можно, усмехнулся Чудинов. – Грешок – как соль на губах. Сколько ни остерегайся, все равно в рот попадет. Но как же теперь жить?»

Чудинов еще давеча, при встрече с Тасей, понял, что она не сказала ему самого главного. Он сам догадывался об этом и боялся своей догадки. В тот момент, когда Тася была в красном уголке, Николай Дементьевич попал впросак. Он принял Сережу за своего младшего сынишку. Да и мудрено было не принять. Сходство разительное. Митя, правда, поплотнее и повыше, да глаза у него темные, а в остальном копия. Даже хохолок на крутом затылке у приезжего мальчика так же воинственно торчал, как у Мити.

После того как Тася с сыном отправилась в Корзиновку, Чудинов метался по кабинету так же быстро и поворачивался так же круто, как мысли в голове. Он вспомнил все до подробностей. Ведь она говорила ему тогда, в госпитале, но говорила как-то обиняками, сконфуженно, видимо, сама еще толком не знала, что с ней происходит. И как можно было предположить, что у такого милого, веселого создания может быть ребенок.

«Ах как подло все это! – тряс головой Чудинов. – Мимолетное приключение! Анекдотец военного времени! Ведь были же, были вояки, которые морализировали на эту тему потрясающе просто: „Рви от жизни все, что можно, все равно война!“» Осуждал в глубине души таких людей Чудинов и поступил точно так же, как они.

Когда на деревню вместе с дождем опустилась темнота, Чудинов устало подумал: «А ведь надо идти домой». И в первый раз за послевоенные годы ему не захотелось идти домой. Не то чтобы боязно, а просто очень уж неловко. Надо ведь смотреть в глаза жене, детишкам, что-то говорить, делать. «Ну а до сегодняшнего вечера ходил же домой, не стеснялся, мерзавец! Сколько людей обманывал, еще и еще надо обманывать, и конца этому не видно. Гадко, все гадко! Вот приду сейчас и все расскажу жене, все выложу, а там будь что будет!»

Это решение немножко ободрило его, и он, крепко шлепая сапогами по грязи, отправился домой.

Но как только он ступил на порог своего дома, решительность начала покидать его. Жена готовила на кухне ужин. Пахло тестом и жареным мясом. Очевидно, она стряпала его любимые беляши. Митя играл с сестренкой в пароход. Сестренка была на три года моложе Мити. Она сидела на опрокинутой вверх ножками скамье и отчаянно гудела. «Пароход» поехал прямо на Николая Дементьевича, и маленькая капитанша закричала:

– Папу паллоход залежит!

Но отец не подхватил ее на руки, как всегда, не пощекотал под мягким

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
подбородком, а молча разделся и прошел в переднюю комнату. Старший сын еще не пришел из школы.

Николай Дементьевич взял с полки книгу. И вот он сидит за ней часа три. Уж и дочка угомонилась, и Митя уснул, а он все сидит и сидит. Старший сын выполнил уроки и свалился на диван с книгой. Николаи Дементьевич раздраженно буркнул:

– Экий барон, на диване с книжкой разлегся!

– А что?

– А то! – повысил голос Николай Дементьевич и уже тише закончил: Зрение от этого портится, вот что!

Сын поднялся с дивана, пожал плечами и, выходя из комнаты, хмыкнул:

– И чего тебе вдруг вздумалось о моем зрении беспокоиться?

Николай Дементьевич хотел остановить этого долговязого подростка, который чем старше становился, тем чаще распускал язык, но он лишь нахмурился и сына не остановил. Жена еще не спала и слышала эту короткую перебранку.

– Ты чего огрызаешься? – сердито ворчала она. – Отец с работы пришел, усталый, не в себе, возможно, неприятности по службе. Он ужинать даже отказался, а ты зубы выставляешь...

Она еще долго отчитывала сына, а тот смиренно помалкивал, лишь один раз донесся его недовольный шепот:

– Да ладно, довольно, не мешай читать, не буду больше, сказал.

«Эх, напиток бы сейчас, вздрызг напиток!» – подумал Чудинов и сжал голову руками. В голове шумело, а в ушах завели нудный перезвон тоненькие колокольцы. Старая, тяжелая контузия. Ему запрещено волноваться. Но одно дело выслушать наказ врачей, и совсем другое дело – выполнить его. Ведь на все случаи жизни рецептов не напасешься.

Поздней ночью в комнату вошла жена в дешевеньком, но опрятном халате, забрала у него папиросы и строго приказала:

– Отправляйся спать! Надо не только о работе думать, но и о себе. С твоим ли здоровьем сидеть по ночам и глотать табачище. Ступай, ступай, я тебе там компресс на голову приготовила и лекарство хорошее.

«Добрый, славный человек! Не лечить бы тебе меня, а лупить!» – с болью морщился Чудинов, шагая за женой в спальню. Там он послушно выполнил все процедуры и даже сделал вид, что уснул.

Но, как он ни старался, так ему и не удалось в ту ночь забыться.

Глава третья

Тася проснулась поздно, и ее удивила тишина в доме. Она не торопясь встала и, прихватив рубашку на груди, выглянула на кухню. Ребят не было, и Сережки тоже. Тогда она блаженно потянулась, громко зевнула, прикрыв ладонью рот, и, чему-то улыбаясь, начала одеваться. Сквозь густые заросли кустарника в палисаднике и буйно разросшиеся цветы на окнах в комнату с трудом проникали солнечные лучи. Тася заправила постель, умылась и вышла на улицу.

От дождя все кругом блестело и железную крышу на церковке будто наново оливой смазали. Ветви черемухи и молоденькой яблоньки, опившись влагой, вяло свисали за оградой палисадника. Лес за деревней переливался россыпью искр. Это солнечные лучи зажигали их, но тучи уже надвигались на солнце со всех сторон.

Тася поискала ребятшек в ограде, за воротами. На скамейке у ворот она заметила недоеденные морковки и пошла к яру. В устье Корзиновки вода была почти неподвижной и глубокой. В ней по кругу плавали щепки, мусор. Ребята сидели у этой ямки с удочками. Сережка делал новое черемуховое удище. Васюха дернул свою удочку, и в воздухе, ощетинившись, мелькнула рыбешка.

Сережка с завистью смотрел на Васюху. Он еще не умел так ловко подсекать рыбу.

– Ребята, посматривайте за избой! – крикнула Тася. – Я ухожу, там не закрыто.

– Идите, идите, – махнула рукой Галька, – мы никуда не убежим.

Сережка даже не оглянулся. Тася взяла комок земли, бросила в воду на Сережкин поплавок. Мальчик схватился за удище, потом оглянулся, но наверху уже никого не было.

Председатель колхоза Птахин поздоровался с ней и, для формальности задав несколько вопросов, гнусавым голосом сказал:

– Разъяснять вам много нечего, вы – агроном, человек ученый, сами должны понимать что к чему. Идите в бригады, знакомьтесь, а потом, глядишь, и нас уму-разуму научите. Ведь нынче вашему брату почет и доверие.

Уловив ехидство в его голосе, Тася прямо посмотрела ему в глаза и хотела спросить: «Вы, кажется, недовольны, что я назначена на место вашей жены?», – но раздумала и сказала другое:

– Вы, я знаю, недовольны, что вам дали нового агронома, да еще женщину? Но в этом нет моей вины.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

Птахин не торопясь подписал бумаги, которые молча листал перед ним бухгалтер, и завертывая ручку, начал говорить негромко, как бы жалея слова, о том, что свято место не бывает пусто. И если бы не ее, так кого-то другого прислали бы. Потом Птахин разговорился, вялость из его голоса постепенно исчезла. Он рассказал Тасе о том, как сам начинал здесь работать, какие времена тогда трудные были. Он все время подчеркивал в разговоре, что ему было легче начинать. Он – мужчина, да и народ колхозный тогда еще не относился наплевательски к труду, верил в свое хозяйство.

– Учтите! Я сюда прибыл, – продолжал разговор председатель, – когда люди не чесались до обеда на печке и не уходили с поля после обеда. Кроме того, я был в штате колхоза, а не в штате эмтээс. Меня считали своим человеком. Понимаете, своим! За это и ярмо председательское на меня одели. Я лично не одобряю того, что агрономов передали в эмтээс, не одобряю на основании своего опыта. Тут агроном получается как представитель или наблюдатель организации, заинтересованный в том, чтобы соблюдать ее интересы. А агроном должен быть хозяином в колхозе наравне с председателем и блюсти прежде всего интересы артельного хозяйства. Впрочем, чего это я? У вас и так небось кошки скребут? Походите, посмотрите, поработайте. На вас ведь еще обязанности зоотехника возлагаются, пока его нет. Пожалуй, с этого и начните, с животноводства. А вообще работы тут столько, что, как говорится, невпроворот.

– И это все, что вы можете мне сказать?

– Пока да, – ответил председатель и, увидев, что она нахмурилась, смешался. Что-то виноватое мелькнуло на его лице, и он уже мягче закончил: – Побывайте в бригадах, может, возникнут вопросы – милости прошу. С супругой моей можете не советоваться, она в агрономии понимает столько же, сколько я в портняжном деле, – он кивнул головой на висевший плащ, у которого карман был подхвачен через край суровыми нитками.

«Зачем же вы тогда работали с таким агрономом?» – хотела спросить Тася, но сдержалась и проговорила:

– Хорошо, побываю в бригадах, но я все-таки надеюсь на вашу помощь.

Председатель пробурчал что-то невнятное в ответ, а потом, провожая ее, вздохнул:

– По совести, скажу вам, Таисья Петровна, очень вам будет трудно здесь, очень. Не мне бы хулу наводить на свое хозяйство, но... лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Так, кажется, говорится? Здесь, уважаемая Таисья Петровна, есть поля, на которых по двадцати лет навоза не бывало, а без навоза, сами знаете, что получается на подзолистых почвах. – Птахин, виновато усмехаясь, развел руками. – Вот опять пугать вас начал. Я сейчас могу вам дать один старый, но нужный совет: постарайтесь сделать так, чтобы люди приняли вас как своего человека, иначе вам нечего здесь делать. – Он прошел с ней до двери и опять вздохнул: – Трудно здесь, страшно трудно.

«Ему надо хозяйство поднимать, в народ уверенность вселять, а он руки опустил, – раздраженно думала Тася. – И в самом деле с таким будет трудно».

Птахин хотел было проводить Тасю до свинарника, но его снова задержал бухгалтер. Откровенно говоря, Тася еще не знала, как будет выглядеть при первой встрече с колхозниками, и поэтому даже порадовалась тому, что Птахин не пошел с ней.

Только бы смешной не выглядеть. Страсть ненавидит она снисходительные улыбочки людей. Этих улыбочек она достаточно видела и в прошлые годы. Быть бы ей такой, как Лидия Николаевна, высокой и сильной, властной и обаятельной, доброй и простой. Глянули бы люди – и сразу догадались, что этот человек достоин уважения. Ну, а раз ростом не вышла, видом не взяла, значит, надо добывать уважение трудом.

От свинофермы за полкилометра доносился поросычий визг. Тася открыла ворота свинарника. Ее обдало зловонием, разноголосыми воплями, визгом, хрюканьем. Она даже оробела вначале. За загородками волновались и требовали к себе внимания волосатые и грязные свиньи. Особенно голосисто напоминал о себе молодняк. Корыто мало походило на посудину, предназначенную для корма. Истерзанные зубами, грязные, бесформенные чурки вместо корыт, и свиньи такие, что оплошай, так сожрут.

Заметив человека, свиньи прибавили голосу, высунули головы из-за перегоронок. Тася, пугливо шараясь из стороны в сторону, кое-как добралась до ворот, открыла их и очутилась в служебном помещении. Три свинарки – две молодые и одна пожилая – о чем-то увлеченно судачили, наваливая в баки картошку. Из баков вонючими клубами валил пар, и Тасю заметили не сразу. Лишь когда она поздоровалась вторично, свинарки обернулись.

Тасе не пришлось объяснять, кто она. Свинарки уже знали о ее приезде. Они с любопытством оглядели ее и начали дружно жаловаться на колхозные порядки. Вот в

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
прошлые годы свиней держали меньше, а людей на свинарнике было больше, но потом ввели механизацию, оставили трех человек, а механизм-то ни один не работает. Только кормозапарники на ходу, да и то воду приходится таскать на себе.

Тася внимательно осмотрела станки. Это были хорошие вещи, предназначенные для того, чтобы облегчить труд свинарок. Тут и механическая мойка картофеля, овощей, тут и картофелерезка, тут и насос для накачивания воды и многое другое, за что, очевидно, заплачены немалые деньги из колхозной кассы. Но к каждому станку чего-нибудь не хватало: у насоса не было ремня, от ножа утеряна какая-то деталь, клубнеймойка не работала из-за отсутствия электромотора.

Тася выслушала жалобы колхозниц с большим вниманием и, хотя не знала еще, чем она сможет помочь им, радовалась тому, что они вот доверяют ей, рассказывают обо всем. Откуда ей было знать, что свинарки жаловались каждому встречному и поперечному на такую работу и каждый день грозилась наплевать на все, податься куда глаза глядят. Тася пообещала свинаркам что-нибудь «придумать», и женщины немножко успокоились. Тася нагнулась к широкому ящику, взяла было двумя пальцами грязную картофелину, но тут же опомнилась и запустила всю руку в ослизлую картошку.

– А картофель уже гнилой, – удивленно сказала она. – Неужели всю зиму таким кормите?

– Всю как есть. Еще заморозят картошку-то, мерзлую даем, – отозвалась старшая свинарка, которую напарницы называли теткой Марьей.

– А дома-то как, тоже мерзлой кормите? – поинтересовалась Тася, задетая за живое спокойным тоном свинарки. «Как о таком можно говорить равнодушно?» Молодые свинарки прыснули в рукава. Тетка Марья сердито глянула на них.

– Какой же хозяин пустой картофелью скотину кормить станет? Ему, хозяину-то, интересней побольше мяса заиметь да сальца. Губа-то у него не дура, знает, что щи с мясом вкуснее пустых. Он и обиходит корм-то, холит свою свинью, потому как она своя. А у нас, матушка, покамест свое и колхозное до-олгая верста отделяет.

– Тетка Марья... вы извините, что и я так называю.

– Да ничего, ничего, попросту-то лучше.

– Тетка Марья, вот вы так правильно рассуждаете и все понимаете, так что же вы не требуете с правления, с председателя, чтобы они позаботились о свинарнике?

– И-и, милая, я уж требовала, требовала и дотребовалась до того, что от меня, как от трясухой лихоманки, начальство-то прячется. Скажу тебе, матушка, без хвастовства, что если наши свиньи еще живы, так потому, что я здесь. Давно бы им карачун пришел.

Все помолчали некоторое время. Потом Тася поднялась, сбросила с себя новую телогрейку, попросила халат и обратилась к свинаркам:

– Тетка Марья, девушки, давайте вымоем хоть этот картофель. Ведь нельзя же грязный давать, правда?

– С грязной только понос у скотины, да ведь, матушка, воды много надо. У нас уж плечи в коростах, и у меня вот ноженьки от сырости болят, пожаловалась тетка Марья.

– Ну, вы тут распорядитесь, а мы с девушками по воду. Вы согласны, девушки?

– Да мы что, мы не против. Только лучше насосом-то. Похлопотать бы.

– И похлопочем. Вместе будем хлопотать. Договорились?

– Ладно уж, пойдете.

Они натащали воды, перемыли картошку, запарили ее, измяли. Тетка Марья предостерегала Тасю:

– Ты, матушка, не суетись, не суетись. Платице-то побереги, чай, не дюжина у тебя их.

А когда они закончили работу, накормили свиней, тетка Марья потеплевшим голосом произнесла:

– Ты, видать, из простых, не боишься руки замарать. Была у нас тут одна зоотехником, мы ее столетней звали. Придет, вон там в сторонке встанет и молчит, молчит, а если разговаривает с нами, нос в сторону держит вонько ей, видишь, в свинарнике-то.

Они разговорились. Тася немножко рассказала о себе. Потом решали, что можно сделать для улучшения работы на свиноферме.

– Добиться бы, чтобы кормили свиней картошкой вперемежку с отрубями, комбикормов бы достать. Это уж надо председателю и правление трясти.

На прощанье тетка Марья еще раз сказала:

– Особенно, матушка, за подвалами посмотри. У нас ведь так заведено: сначала заморозить овощ, а потом скотине отдать. С некоторых полей картошку даже не увозят, так в буртах и оставляют. Пешнями долбят зимой. Срамота, бесхозяйность!

Тася отправилась на молочную ферму, к Лидии Николаевне. Настроение ее поднялось. «Нет, жить и работать все-таки можно будет. Второй день живу в колхозе, и уже двух хороших людей встретила. Это немало», – размышляла Тася,

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
настраивая себя на бодрый лад.

На молочной ферме все было иначе. Порядок, чистота, спокойная, размеренная жизнь. Скот справный, солидный. Во всем чувствуется крепкая рука. Молочные бидоны начищены до блеска; коровы мирно дремлют, переваливая во рту жвачку. Лидия Николаевна сидит за столом, накрытым беленькой больничной клеенкой, и что-то записывает в толстую тетрадь.

– Хорошо у вас, уютно, – сказала Тася, обойдя всю ферму. – Так бы и не уходила отсюда, даже коровы какие-то ласковые.

– Корова, Тасюшка, вообще животное очень уж, как бы это тебе сказать, душевное, что ли. Люди считают собаку самым близким другом человека, но это неправильно. Корова и вскармливает нас своим молоком, как мать, а потому и человек должен относиться к ней с любовью, как относятся к близкому, родному существу. Вот она ему за заботу и ласку добром ответит. Да ты поговори как-нибудь об этом с нашим пастухом Осмоловым. – Лидия Николаевна положила тетрадь в деревянный шкафчик, висевший над столом, и повернулась снова к Тасе. – А что понравилось тебе у нас – лестно нам. Однако осенью ферма всегда выглядит лучше. Вот весной...

Лидия Николаевна не договорила, пошла зачем-то в коровник и, возвратившись оттуда, записала цифры какие-то в график, висевший на стене, и, как бы продолжая разговор, протянула:

– Да, а весной, о весне мы уж привыкли думать как о бедствии. Бескормица, бескормица... – Лидия Николаевна разговорилась.

Было время, когда колхозное начальство без зазрения совести пользовалось всем, что только можно было взять с фермы. Выпишут, к примеру, пять литров молока через контору, а выносят пятьдесят. О кормах же заботиться никому неохота. Скотина требует к себе внимания каждый день. Внимание же это уделялось полеводству. Дело дошло до того, что Корзиновская ферма стала самой захудалой в районе. Коровы в ней телились поздно. Осталась на ферме одна-единственная племенная корова. В это время выбрали председателем Птахина, и первое, что он сделал, так направил бригадиром на ферму Лидию Николаевну. До того времени она овощеводом в Корзиновской бригаде работала.

Лидия Николаевна круто развернулась на ферме. Набрала себе новых доярок; ходить за даровым молоком народ отвадила, настояла на том, чтобы молоко с фермы давалось большесемейным колхозникам. Пролазы нашли другой ход и стали появляться с записками от Птахина. Раз отпустила Лидия Николаевна молоко по записке, другой, а потом пришла к председателю и заявила, что ферма не хитрая лавочка и доить ее довольно. Перестал писать записки председатель, но и на ферму махнул рукой. Работайте, мол, как знаете, раз вы сами большие и маленькие.

– А самая главная беда, Таисюшка, в том, что Птахин не один во главе колхоза. Крутится возле него разное отребье, жужжат ему на ухо, подхалимничают, навеличивают его, а он и нос задрал. Исподтишка мстят они мне, через коров мстят: то силос сгноят, то сено увезут на рынок, то еще чего придумают. Хитрые, ловкие барышнички у нас появились. Так что я здесь, на ферме вроде милиционера, – улыбулась Лидия Николаевна и, надевая чистый халат, закончила: – Ну, наговорила я тебе семь верст до небес и все лесом. Трудно, конечно, да теперь полегче станет, после постановления попримжем кое-кому хвосты. Пора, давно пора.

Лидия Николаевна сказала, что у них еще будет время наговориться обо всем и решить кое-что, а пока велела ей пойти домой, поесть да ребят попроведать.

Перед вечером пришел Яков Григорьевич. Он поздоровался с Тасей, вышел во двор, взял там топор, ножовку, доски и понес все в другую половину избы. Был он могуч, без единого седого волоса, краснощекий, со спокойным взглядом голубоватых глаз.

– Он что, вам родной? – спросила Тася у Юрия. Юрий смутился и долго не отвечал.

– Он папин товарищ, – наконец выдавил Юрий и, повременив, торопливо заговорил: – Вам, тетя Тася, будут говорить разные сплетни насчет дяди Якова и мамы, так вы не верьте, неправда это.

Яков Григорьевич работал неторопливо, но очень ладно. Синяя сатиновая косоворотка была ему коротка и узка. Когда он отрывал доски, Тасе показалось, что сейчас эта рубашка треснет по всем швам.

Изда осела от времени, и оконные подушки почти касались земли. Яков Григорьевич рванул доски топором. Заскрипели ржавые гвозди, рассыпались доски. Он шагнул в темное окно, огляделся в избе, тихонько побурчал и, выглянув, распорядился:

– Юрий, а ну мобилизуй всю армию уборку делать.

Армия, в числе которой был и Сережка, пришла со старыми ведрами, корзинами, и работа началась.

Уже стемнело, когда прекратился стук в нежилой половине.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

Возле умывальника получилась давка. Кто-то брызнул Сережке за воротник холодной воды, он завизжал; Васюхе начало есть мылом глаза, он вначале кричал, промывал, а потом взвыл.

Смех и шум прекратились только за столом. Лидия Николаевна не успевала разливать щи и резать хлеб. Яков Григорьевич с доброй задумчивостью посматривал на всех. После ужина он еще посидел на пороге, покурил и нехотя начал собираться. Уже открыв дверь, бросил:

– Я завтра печку-то подремонтирую, и можно белить. Дело за стеклом. Ты, Лида, попроси у председателя.

– Ладно. Чего ребята перестали ходить?

– А-а, – досадливо махнул рукой Яков Григорьевич и вышел.

Лидия Николаевна посидела и вздохнула:

– Ну, труженики, давайте на боковую. Ты, Сережа, с мамой ляжешь?

– Нет, с ребятами.

– Вот тебе и раз! Маму-то что, в отставку?

– В отставку.

– Ишь, прыткий какой, – со смехом проговорила Лидия Николаевна и щекотнула Сережку за живот.

Он взвизгнул, началась возня.

Тася в этот вечер не спускала глаз с Лидии Николаевны. Раздеваясь в передней комнате, Лидия Николаевна спросила:

– Устала, Тасюшка?

– Лидия Николаевна, вы меня извините, конечно, а Яков Григорьевич, кто он?

Лидия Николаевна на секунду смешалась и уткнулась взглядом в эмалированный таз, в котором перемывала посуду. Тася поняла, что вопрос ее – неладный вопрос, и выругала себя за оплошность.

– Яков-то Григорьевич, – заговорила Лидия Николаевна, – для нас самая близкая родня. Ты ложись, Тасюшка, я потом тебе как-нибудь все расскажу. Не ломай зря голову.

Лидия Николаевна вытерла руки, потрепала ее по волосам, помогла расплести косы. Руки у нее были быстрые и ласковые. Пахло от них парным молоком, мылом и еще чем-то родным, до боли близким.

– Вы, как моя бабушка, – прошептала Тася.

– Хорошая у тебя была бабушка?

– Замечательная. Хотите, я вам расскажу про нее?

Говорила Тася долго и рассказала все не только о бабушке, но и о себе.

Бабушка умерла без слов и стонув. Она лежала на столе с поджатыми губами, худенькая, тихая. Деревяшку, которая долго служила ей вместо правой ноги, отвязали, и бабушка под белой простыней казалась совсем маленькой. Тасин отец, Петр Захарович, повертел старую, отлакированную в вырезе деревяшку и сунул ее в печку.

– Отходила нога свой век! – И со вздохом прибавил:

– Да, жизнь у старухи была не совсем чтобы очень.

– Сама виновата, – скептически заметила мачеха. – Больно горда была. Умерла и Бога ни разу не помянула: не причастилась, не перекрестилась. Так и отошла.

– С Богом у нее, видно, счеты какие-то были, – вымолвил Петр Захарович. – Она в молодости веровала, в церкву ходила, а потом, стало быть, дружба врозь.

Да, у бабушки Ефросиньи были кое-какие расхожденья с Богом. Расхожденья эти получились потому, что Бог часто наказывал бабушку Ефросинью ни за что ни про что. Первый раз он ее наказал будто бы и нечаянно – она родилась последней в огромной крестьянской семье, да еще к тому же не выговаривала букву «р». А «заскребыш», да еще картавый – это уж беда. Но Бог делал кое-какие снисхождения для бабушки Ефросиньи: по Его милости она стала очень красивой девушкой. Впрочем, это не пошло ей на пользу. Из-за красоты она попала в богатый дом, где ее превратили в батрачку. А от красоты ее после того, как родила троих ребятшек, не осталось ничего. Казалось бы, чего еще надо было Богу – немножко дал и то отобрал.

Нет! Он нашел у нее еще кое-какие излишки. Властелин-свекрушко жаден был. В работе не щадил никого. На покосе он обычно косцов пускал впереди себя, наступал на пятки тому, кто отставал. Как-то свекор резким взмахом косы пересек затаившуюся в траве гадюку. Он взял ее за хвост и, глядя на онемевших от ужаса брезгливых невесток, хмыкнул:

– Раз-зьява! Эдак всякому может доспеть, кто под косу попадет. Шевелиться надо! – свекор отшвырнул безголовую змею в сторону, и она еще долго извивалась, шурша скошенной травой. А он вытер руку о штаны и криво усмехнулся: – Не брезгуйте: ко мне зараза не пристанет. Я на святой пятнице причастился, а в молодости попадаю обнимал. Святой почти. Х-хы!

– Кобель старый! – буркнула младшая невестка, которой не раз уже приходилось

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
спасатся от свекра. Руки хоть бы помыл, из одной ведь посуды едим.

– Поговори! – окрысился свекор и снова оголил желтые крепкие зубы. Вон, говорят, азиаты змей варят, а вам, толстоляхим, баранину да говядину подавай.

Однажды свекор наступил на пятки невестке Ефросинье, а она на сносях была четвертым ребенком, и «нечаянно» подкосил ее. Молодую женщину долго не везли в больницу, прятали от людей, и у нее получилось заражение крови.

Угрюмый, забитый Захар решил на отчаянный поступок: выкрал жену из дому, тайком доставил в уездную больницу, и там успели спасти ей жизнь, но ногу отняли.

Свекор отделил их. Пришла в дом к Захару большая нужда, но настала и относительно спокойная жизнь. Захар жалел супругу, не обижал ребят, и Ефросинья нежданно-негаданно полюбила его. Но поняла она это не сразу, поняла, когда получила затрепанное письмо, в котором окопные страдальцы сообщили, что муж: ее «пал за веру, царя и отечество, бьась с германским врагом».

И тогда бабушка взбунтовалась. Она приковыляла к углу, где на деревянной божнице под потолком стояли иконы с закопченными ликами, и, не разжимая зубов, спросила:

– Куда смотрели? Чего шары-то свои на меня выпялили? А? Мало вам одной души?! Возьмите мою! Карайте! Натейте! Кровь выпейте! – Ефросинья рванула ворот старой кофты. Обнажились ее дряблые, полусохшие груди с оттянутыми сосками и кресг на засаленном шнурке. Она рванула этот крест и швырнула в иконы.

Боги все так же невозмутимо тарасили на нее свои невинные голубые глаза.

– А-а, молчите?

Ефросинья вскочила и дернула угловик. На пол вместе с досками повалились иконы, за которыми в паутине копошились пауки. По стене врассыпную кинулись тараканы. На печи в один голос завывали ребятишки.

Четверо ребятишек, а на них всего две рабочие руки и одна нога. Нищенствовать бы Ефросинье вместе с ребятами, да революция подоспела. Нелегкой была жизнь у Ефросиньи и при Советской власти, но она все-таки сумела воспитать детей, «определить» их.

Жить на старости лет она осталась с сыном Петром. Стала нянчить лупоглазую внучку Тасю. В жизни бабушки Ефросиньи наступили хорошие дни, да мало их было.

Умерла мать Таси. Отец сосватал другую, женщину с тонкими бесцветными губами и сказал, что это новая мама. Новая мама оказалась набожной, скупой женщиной. Отца она скрутила, спеленала так, что он пикнуть боялся, Тасю невзлюбила, а вместе с ней и бабушку Ефросинью.

Бабушка отказалась от общего стола и зарабатывала кусок хлеба вязаньем. У нее были проворные руки и зоркие глаза, до смерти не знавшие очков. Когда Тася удивлялась, глядя на ее руки, бабушка раздумчиво говорила:

– Как же, Тасюшка, иначе-то? Волка ноги кормят, а меня руки да глаза. Учись вот, ремесло без пользы не пропадет.

Мачеха не выносила нахлебников вообще, а когда началась война – и подавно. Потребность в кружевах и красивых шарфиках, которые искусно плела мастерица-бабушка, исчезла. На бабушкину долю выдали карточку и на Тасю тоже.

Мачеха поступила на работу. Ей дали пятисотграммовую карточку, то есть столько, сколько давали бабушке и Тасе вместе. Мачеха стала делить хлеб по пайкам. Тасе было пятнадцать лет, она росла, пайка ей не хватало. Хорошо, что была бабушка. Она где-то брала куски хлеба и подкармливала внучку. А потом бабушка умерла, ее схоронили. Мачеха перерыла все в бабушкином сундуке и зло сказала:

– Все проела безногая кикимора, да тебе скормила, – сверкнула она глазами на Тасю. – Грешница она была, карал ее Бог за это. Голодом себя морила ради внученьки, пигалицы такой...

– Не смейте так говорить о бабушке! Она была добрая! Она самая лучшая была! Она лучше вас, вот!

– Ой-ей-ей, расходилась как! – покачала головой мачеха. – Вся в покойницу, гордяка да зубастая. Ласковый теленок две матки сосет, а грубый – ни одной! Попомнишь ты эти слова!

– И попомню, и что?

– погоди, отец придет! Он тебе задаст баню с предбанником!

Вечером отец отстегал Тасю ремнем.

Горек корявый хлеб. Не зря так не любила его бабушка Ефросинья.

Как только Тасе исполнилось шестнадцать лет, она поступила на работу.

Пыталась устроиться раньше – не принимали. В ту пору школьники считали своим долгом заботиться о раненых, помогать им. Они шефствовали над палатами и, конечно, если удавалось, поступали на работу в госпиталь.

Тасю приняли санитаркой.

Должность самая тяжелая, беспокойная. Никто за войну не получил столько

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
благодарностей и матюков, сколько их получили санитарки да сестры.

Удивительным, а подчас и непонятным был тот мир, в который вошла Тася. Вначале она с ужасом смотрела на окровавленные бинты, закрывала глаза во время перевязок. Но время шло. Раны на человеческом теле зарастали, вместо них оставались рубцы самых разных форм и размеров; лица раненых округлялись; в глазах появлялось озорство.

Некоторые солдатики начинали мимоходом пощипывать сестер и санитарок. Разговоры велись преимущественно на любовные темы. По вечерам выздоравливающие, переодевшись в уборной в заранее припрятанное обмундирование, а то и прямо в госпитальных халатах, исчезали куда-то. Возвращались они подвыпившие, довольные. Лежачие больные с жадностью слушали их рассказы о «хождениях в народ». Нравились эти люди Тасе. Все они были для нее – герои. Она только делила их на тяжелых и выздоравливающих. Тяжелые – это беспомощные и капризные, как дети. С ними надо быть аккуратной, вежливой, и если обругают – не обижаться, стерпеть. Может быть, и она, Тася, взвыла и облаялась бы, если бы неловко повернули раненую ногу или тряхнули забинтованную голову.

А выздоравливающие – те чудачки. Будь они молодые или пожилые, все равно говорят: «не женаты». Многие из них «заводят любовь», сидят с какими-то дамочками в скверике, пишут записки, ухмыляются, держат грудь колесом. А когда их выпишут – трогательно прощаются со всеми. Тасе жмут руку так, что косточки трещат, но она терпит, улыбается и желает повоевать им до победы. Есть и такие, которые просят, чтобы она им писала. Адреса своего не знают, а просят. Смешные и хорошие вояки!

Тася из подростка превращалась в девушку. Пополнела и округлилась ее фигура, темно-русые косы отяжелели, глаза ее, большие, серые, бабушкины глаза, смотрели на всех чуть удивленно.

Потом в госпитале появился Николай Дементьевич Чудинов. Он был тяжело контужен, правая рука у него оказалась разбитой. Сиротливо торчал среди темного месива какой-то палец, должно быть безымянный.

Пока в палате было много тяжелых, Тася обращала внимания на Чудинова столько же, сколько и на остальных. Но потом в палате остался из тяжелых только он один, и каждый считал своим долгом прислужить ему, выполнить любое его желание.

Медленно возвращались к Чудинову слух и дар речи. Вначале он сильно заикался. К весне несколько оправился. Рука у него зажила, говорил он почти правильно, только когда волновался, речь его немного спотыкалась. Он оказался общительным, но в то же время сдержанным человеком. О своих боевых делах Чудинов распространяться не любил. Когда ему было тяжело – страдания переносил мужественно.

Тасе всегда казалось, что у этого человека есть на уме такое, что он не всякому расскажет. Она уважала его за сдержанность, за трезвость суждений, за то, что он ничем не кичился и не гордился. Тасю называл он не дочкой, а Тасюшкой, так же, как называла ее бабушка, и это невольно располагало к нему.

Однажды Чудинову привезли в госпиталь два ордена – Красного Знамени и Отечественной войны. Тася была в палате, когда ему их вручали. Ей очень понравилось, как он вел себя. Он не сунул небрежно ордена под подушку, как это делали некоторые: дескать, у меня их уже полпуда. Но и не растерялся, не залепетал разную чепуху. Он принял в левую руку коробочки, положил их на тумбочку, крепко пожал генералу руку, и только когда заговорил, Тася поняла, как Чудинов волновался.

– Сп-ппп-паси-б-бо з-за н-н-награ-аду! – с трудом выговорил он.

Когда все разошлись, Тася со слезами умиления сказала:

– Поздравляю тебя, Николай Дементьевич!

– Спасибо, Тасюшка, сп-пасибо, – взволнованно ответил он и, крепко сжав ее руку в запястье, добавил: – А меня, Тасюшка, не обязательно величать. Мне ведь только двадцать восемь.

Чудинов стал ухаживать за Тасей. А так как за ней еще никто никогда не ухаживал, то Тасе это понравилось. Да и Николай Дементьевич тихий, обходительный, глупостей никогда не позволял.

Потом был яркий, весенний день. День Победы! Все смешалось, закипело, забушевало. Тася и Чудинов уехали на загородную прогулку, выпили за победу, потом еще и еще. В этот день пили все и отказываться было нельзя. И тогда-то между ними возникла связь, которую они пытались скрыть от зорких солдатских глаз. Кончилось все это коротким письмом, посланным Чудиновым с дороги: «Таисья! То, что произошло между нами, конечно, глупость. Я не сумел сдержаться и каюсь в этом. Мне непростительно это еще и потому, что я многое скрыл от тебя. Я ведь женат и ребенка имею. Так что, видишь, дело-то какое. Нехорошо я поступил, но, как говорил какой-то философ: „Чувство побеждает разум!“»

Вот и все. Чувство побеждает разум. К ужасу своему, Тася обнаружила, что

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

никаких чувств у нее к Чудинову и нет. Тайное любопытство, игра в любовь, желание иметь кавалера – вот что было. Кроме того, время с Чудиновым шло интересней, жизнь текла веселей. Дома ей все опостылело – и ехидная мачеха, и угнетенный отец. Да и откуда ей было знать, что именно в эти годы, когда душа жаждет необыкновенного, романтики, молодые люди совершают большинство ошибок.

Через три месяца после отъезда Чудинова мачеха с сарказмом бросила отцу:

– С прибылью тебя, Петр Захарыч!

– С какой?

– Внука скоро Бог даст.

– Вну-ука!? Откуда?

– Все оттуда же. Неужели шары-то у тебя заволокло и ты не видишь ничего?

– Айда-ко с худого-то места, – испуганно отрубил отец.

– Придет, приглядишься. Не от пайки же она так раздобрела.

Вечером отец избил Тасю и выгнал из дому. Мачеха, выбрасывая ее пожитки на улицу, кричала:

– Срам! Стыд! Опузателя с бабушкиных-то кусков!

А отец гремел поленом по столу и кричал на мачеху:

– Ты хотела этого, стер-рва! Радуйся! Уходите обе с глаз моих! Зашибу!

– Тише, тише ори-то. Тронь попробуй, в тюрьме сгною.

Разбитая, уничтоженная Тася брела на станцию. Она ничего не понимала и не чувствовала. У переезда она прислонилась к телеграфному столбу и стала ждать поезда. Когда электровоз загредел совсем близко, она выбежала вперед и легла на рельсу.

Поезд пшикнул, судорожно дернулся, загрохотал и начал наезжать на Тасю. В это время какой-то молодой парень, рискуя жизнью, выдернул Тасю почти из-под самых колес. Она была без сознания.

Через три дня Тася вышла на работу, но ее точно подменили. Она таила свою беременность, боялась смотреть больным в глаза, сделалась замкнутой, пугливой.

Мучительными были роды, но еще мучительнее оказались взгляды женщин, их едкие реплики:

– Такая молоденькая...

– Сладок был грех, да горько похмелье...

– И ведь паразит какой-то и глаз не кажет...

– Сделал свое дело и в сторону. Все они сейчас такие, разбаловались за войну.

Вот я тоже...

– Куда она такая с ребенком? Родных-то, видно, нету. Никто не приходит...

Слушала Тася эти разговоры и жалела, что ее вытащили из-под поезда.

Она решила уехать из областного центра. Здесь хоть и не часто, но встречались знакомые, а главное – есть те, которым она прислуживала в госпитале. Как-то шла она по городу, а навстречу ей, будто из-под земли, парень, чубатый, веселый, руку трясет. «Не узнали, значит?» – спрашивает. Оказывается, один из бывших больных. В кино приглашает. Спрашивает. «Может, дров надо подбросить?»

Стоял февраль. Начались первые оттепели. Над карнизами госпитального здания повисли первые, хиленькие сосульки. Крыша была шиферная, и плаксивые сосульки свисали из желобков через равные промежутки, словно их аккуратно начертили.

Тася сидела на скамейке в скверике и смотрела на окно своей палаты. Раненых осталось мало. Госпиталь скоро должен расформироваться. Но Тася не думала об этом. Она смотрела туда, где впервые увидела огромные человеческие страдания и радость возвращения к жизни. Туда, где заработала спой первый, трудный хлеб. Жаль было расставаться с этим старым кирпичным домом. Жаль, несмотря на ту беду, которую она здесь нажила.

По палате, в которой она еще так недавно хозяйничала, приковылял на привязанных костылях раненый. Он отвязал костыли, установил их возле кровати, подпрыгал на одной ноге к окну, поглядел на городские огни. Глаза его задумчивы и печальны. Тася знала, о чем думает, о чем грустит раненый сержант. Думы его самые прозаические: как начинать жизнь без руки и без ноги? Как примет жена? Сможет быть полезным семье и колхозу?

Ей хотелось подойти успокоить сержанта, сказать что-нибудь такое, отчего лицо его стало бы веселым, усы затопорщились бы от смеха, как прежде. Но больной для нее сейчас далек и недоступен. Точно давая ей это понять, он понурился и медленно задернул марлевые занавески, на уголках которых Тасиными руками были вышиты две кошачьи мордочки.

Тася встала со скамейки и только теперь почувствовала, как у нее зашлись ноги в низких резиновых ботинках. Она удобней подхватила Сережку, наглухо завернутого в старое байковое одеяло, и засемила с госпитального двора.

– Ну что, дочка, попрощалась со всеми? – спросил ее старик, дежуривший и проходной.

– попрощалась, дедушка, – ответила Тася, и в груди у нее стало больно-больно,

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

– прощайте и вы, дедушка, – торопливо бросила она уже на ходу.

Всю ночь Тася просидела на вокзале. Устала от шума, сутолоки. К утру у нее разболелась голова, ее стало знобить. Она взяла билет на первый попавшийся поезд и, ни о чем не думая, поехала куда глаза глядят.

В Лысогорске ее сняли с поезда. У нее оказалось двустороннее воспаление легких. Серезу от нее изолировали. Щупая рядом с собой похудевшей рукой, Тася звала его, плакала в беспамятстве до тех пор, пока сердобольная санитарка не подсунула ей сверток из простыни. Тася крепко прижала к себе сверток и в жарком бреду металась по кровати, то вскрикивая, то чуть слышно шепча невнятным голосом ласковые слова. Даже к беспамятной не приходило успокоение.

Выздоровливая Тася медленно. Только через месяц она стала подниматься. На улице уже была весна. Когда молодая женщина первый раз вышла на крыльцо, у нее захватило дух и она заплакала, порадовавшись тому, что осталась жива. Серезка уже улыбался, ворковал сам с собой и решительно не желал ее признавать.

Или из ее бредового говора работники больницы что-то узнали, или умели угадывать сердцем чужое горе, или просто так, из хорошего человеческого чувства проявили необидную заботу о ней и о Серее. У нее всегда ломилась тумбочка от разной снеди, ей приносили интересные книги, достали нитки и кусочки материала: Тася вышивала на память добрым людям разные безделушки. Особенно нравился Тасе старенький, полный и так же, как бабушка, не выговаривавший букву «р» главный врач Федор Федорович.

Федор Федорович и его жена, Агния Владимировна, принадлежали к числу тех супругов, которые всю жизнь мечтали иметь детей, но им не повезло. Бездетные супруги очень привязались к Тасе и ее сынишке. Когда Тася выздоровела, ее устроили на работу здесь же, в больнице. Навык у нее уже был, и с помощью главврача она выучилась на медсестру. Зарплата прибавилась, жить стало легче. Вскоре Серезка начал делать первые шаги.

В Лысогорске одпо-единственное учебное заведение сельскохозяйственный техникум. Серезка подрастал, и сама Тася возмужала: стала повыше ростом, голос ее уже не щебетал, как прежде, игриво, а на лбу навечно поселились две морщинки. Она была очень довольна тем, что все как-то устроилось. Долго не замечала Тася того, что люди всячески старались, чтобы у нее было меньше свободного времени. Особенную изобретательность проявляли супруги – Федор Федорович с Агнией Владимировной. Это они сделали так, что Тася очутилась на вечернем отделении техникума. Начала учиться на агронома. Вначале неуверенно, в полсилы, потом втянулась.

Тася уже закапчивала второй курс, когда Федор Федорович с женой переехали в областной город. Она только тогда до конца осознала, как много делали для нее эти люди.

В техникуме сразу Тася не сказала о Серее, а позднее уже сказать стеснялась. Ей казалось, что она не будет ровней студентам, что они не станут с ней обходиться запросто, если узнают о Серее.

Утром она вела его в детский сад и мчалась в больницу. Под вечер, наскоро поев, она спешила в техникум.

Поздно вечером забирала Серезку из садика и, уже не торопясь, шла домой.

Она совсем мало видела сына, а он рос, декламировал стихи про Деда Мороза, рисовал дома с кривой трубой и с дымом, вырастал шалуном.

Учиться становилось нелегко: зарплаты не хватало, одежонка доизносилась, Серее требовалось все больше и больше. Пришлось хлопотать о пособии – как матери-одиночке.

Мать-одиночка. Всю горечь двух этих совершенно разных слов, соединенных вместе нелепостями жизни, Тасе предстояло испытать. Еще много впереди унижений, оскорблений, мытарств. Еще неизбежно когда-то надо встретиться с настойчивым взглядом подростка-сына и ответить, почему он уже в день своего рождения был полусиротой и кто повинен в том, что его с детства зачислили в «самоделки».

Пока еще Тасе некогда было задуматься о судьбе своего ребенка, пока еще добрые люди оберегали ее и Серезку от лишних ушибов. Но Тася уже научилась смотреть на жизнь открытыми глазами, знала – рано или поздно ее окатят грязью, и хотела только одного: чтобы грязь окатила ее, чтобы ни одна капля не упала на Серезку. Он-то ведь ни в чем не повинен. Да, она готовилась, всегда была настороже, а все произошло неожиданно, не там, где она предполагала.

Пришла она на почту за пособием. Стала в очередь с необщительными, нахмуренными женщинами. «Это все такие же, как я», – подумала Тася, покраснев.

К соседнему окошку подплыла пышная дама в беличьей дохе, с картинно приподнятой левой бровью. Она выбрала взглядом женщину, одетую поприличней, и обратилась к ней:

– Вы не скажете, где можно получить перевод?

– Нет.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

– А это куда же очередь?

– Пособие получают матери-одиночки.

– Ах, это на инкубаторских ребяташек? Глядите, и среди них такая молоденькая, симпатичная...

– Да, они погуливают, а государство раскошеливайся.

Тася вспыхнула, опустила голову, затем осторожно выбралась из очереди и почти бегом кинулась из почты. Больше за пособием она не ходила. Бросила занятия в техникуме и начала прирабатывать вышивкой и вязаньем. Бабушкино ремесло пригодились.

Лысогорск – маленький городишко. Тут много знают друг о друге. Но Тася по наивности полагала, что ее никто не знает, кроме тех людей, с которыми она встречается на работе.

Каково же было ее удивление, когда в комнатушку, отведенную ей в старом доме на территории больницы, ввалилась целая компания студентов.

Студенты сконфуженно потоптались у двери. Она пригласила их пройти. Они начали несмело передвигаться к столу, чтобы чего-нибудь не уронить.

– Мы пришли узнать, что с вами? – после неловких взаимных шуток и малозначительных реплик заговорил один из студентов в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. – Узнать, почему вы занятия забросили? Может, вам помочь надо? Вы, пожалуйста, не стесняйтесь, – говорил парень, а сам пытался перебороть смущение, и ничего у него не получалось.

Тася сразу не нашлась, что ответить. Как бы давая ей передышку, девчата-студентки окружили Сережкину кроватку, Тася побледнела.

– У тебя ребенок! – обрадовались девушки, как будто для них это было неожиданностью.

– Ага, – чуть слышно подтвердила Тася.

– Трудно тебе, Тася?

– Трудно, ребята.

– А мы ведь давно знаем, что у тебя сын и что Сережкой его зовут, заговорил все тот же парень в ковбойке. Девушки сделали страшные глаза, приложили пальцы к губам. Парень замолк на мгновение и отмахнулся от них: Конечно, давно знаем. Только ты ничего не говорила, и мы думали, неудобно об этом, а теперь вот решили. Ты уж извиняй, что вломились.

– Да что вы, ребята! – забормотала Тася и, услышав, что на плите закипел чайник, всполошилась: – Ой, чайник убежал! – Она кинулась, обожгла руку, по-детски сунула палец в рот, но тут же спохватилась, затрясла рукой в воздухе и, будто оправдываясь, проговорила: – Такой чайник психопаточный. Давайте, ребята, чай пить. – И вдруг отважно предложила: – У меня даже печенье есть, Сережкино, правда, но ничего, ради гостей жертвуем. Он у меня парень не прижимистый...

И Тася вернулась в техникум. У нее появилось много друзей. Как-то незаметно на день рождения и еще по поводу разных событий Сережке надарили одежонки, самой ей нет-нет да и подбрасывали немного денег.

Техникум Тася закончила в 1952 году, но сразу у нее не хватило смелости покинуть обжитое место, привычную работу: «Как же я с ребенком, в деревню? Ни знакомых, ни родных».

Правда, ей очень часто становилось не по себе оттого, что она чувствовала себя не на месте. Ведь люди так много сделали для нее и для сына. Они ее поста пили па ноги, помогли получить образование, специальность, вырастить в трудные годы ребенка...

А что она сделала? Очень мало. Ей казалось, если она горы своротит, то и этого не хватит расплатиться за доброту людскую. И когда после сентябрьского Пленума ее вызвали в горком комсомола и заговорили о долге молодого специалиста, она не дослушала до конца и спросила:

– Где можно получить путевку?

Она собрала свои пожитки. В больнице, кроме зарплаты, получила подъемные. В горкоме комсомола ей подарили красивые настольные часы. Она приехала в областной центр, быстро получила назначение в Чагинский район и пошла ночевать к Федору Федоровичу.

Вечером выпили немножко за ее «блестящее будущее», как выразился Федор Федорович.

Назавтра Федор Федорович и Агния Владимировна отвезли Тасю и Сережку на вокзал в легковой машине. После того как Тася дала обещание останавливаться только у них, привезти летом Сережку на месяц и непременно писать каждый день, добрые супруги распрощались с ней. А когда она зашла в вагон и выглянула в окно, Федор Федорович сказал:

– В жизни, Тасенька, случается всякое, так вот, если вам будет очень трудно, знайте, есть люди, которые о вас помнят и всегда готовы помочь.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

– Спасибо, спасибо, дорогие мои, – дрогнувшим голосом ответила Тася.

Только дорогой она вспомнила, что не побывала у отца, но не пожалела об этом. ..В палисаднике шумел ветер, из кухни доносилось сонное бормотанье ребятишек и слабое тиканье ходиков. Под одеялом было тепло и уютно. Лидия Николаевна прижимала Тасю к себе, как девочку.

– Рановато взяла тебя жизнь в оборот, рановато, – спустя немного времени заговорила Лидия Николаевна. Да ведь не одну тебя. Весь народ наш пережил такое тяжелое время, а уж о ребятишках, что в войну возмужали, и говорить нечего.

– Ой, тетя Лида, я сама не смогла бы ничего, меня люди, как слепую, в жизнь-то ввели, все время за руку. Вот теперь и не знаю, как я здесь сумею в деревне, одна...

– Как это одна? Здесь ведь те же люди, что и всюду. Они тоже по труду ценят человека. И я по труду ценю. Смотрю вот иногда в городе на расфуфыренных бездельниц и не зло, а жалость меня разбирает. Ведь они несчастные, они не ели своего хлеба, не держали в руках самой ценной вещи, что сделана своими руками, не познали тяжести и счастья материнства. Живут тряпичными радостями. А тебе бояться нечего. Будешь работать, и люди тебя душой примут. – Лидия Николаевна погладила в темноте Тасю, как маленькую, и закончила: – А сейчас давай спать. Завтра побывай в бригадах. О избе не заботься и о сыне тоже. Сколько надо, столько и пробудь там. Приедешь, я тебе еще кое-что расскажу и покажу, и Яков тоже расскажет. Он бригадир-полевод, да еще коммунист к тому же. Он тебе во многом поможет. Завтра в первую очередь в Дымную, там у нас лучший бригадир-овощевод, на весь район известный. В колхозе он с первого дня. Мужик умный, грамотный. Хватил горя человек через край. Ну, спи, спи, и мне спать пора. Утром рано вставать.

Они обе закрыли глаза. Тася плотнее прижалась к Лидии Николаевне. Совсем близко, ровно и спокойно стучало ее сердце.

Глава четвертая

Дымная – небольшая, дворов на тридцать, деревушка. Когда-то на месте полей и перелесков, раскинувшихся по горам вокруг Дымной, был труднопроходимый лес. Лес этот заводчики приспособили к делу – начали выжигать из него уголь в земляных кучах, которые местные жители называют буртами или печами. Вначале здесь появились землянки углежогов, а потом и избы хлебопашцев. Еще и поныне в Дымной говорят: «Ягоды брала у печей», «На горе, возле печек, покос никудышный», «Опять возле печек уйма бывает...»

Павел Степанович родился и крестился в Дымной. За спую, пятидесятилетнюю жизнь он дважды удалялся из родной деревни: первый раз на полуторогодичные курсы овощеводов, второй раз – на войну.

Букреев небольшого роста. У него тихий голос, который он, насколько помнят дымнопцы, никогда не повышал. С войны Павел Степанович вернулся без ноги и без руки. Остро очерченные лопатки под гимнастеркой, тонкая шея с глубоким желобком посередине, пустой рукав, заткнутый за пояс. Поглядишь на него, и жалость возьмет – до чего изувечили человека... Но это первое впечатление бесследно исчезает, как только ближе узнаешь Павла Степановича. Односельчане рассказывают о нем много такого, что никак не вяжется с его малоприметной наружностью.

В первые годы коллективизации кулаки убили двух председателей. На их место никто идти не согласился, кроме молодого парня Павла Букреева. В него тоже стреляли, повредили левую руку, ту самую, что потом оторвало на войне. Павел Степанович шутил: «Все улики против кулаков фашисты аннулировали, заодно работали».

По сей день помнит Павел Степанович, да и до конца жизни не забудет, как он явился домой из госпиталя, а потом на поле. Женщины, пригорюнившись, глядели на него, расспрашивали про войну.

Он пошутил:

– Сначала ничего. Потом – батюшки мои, родители родные! Потом опять ничего...

Женщины вымученно улыбнулись этой шутке. Чтобы не сбиться с бодрого тона, Павел Степанович как можно веселей продолжал:

– Ну, примете, бабы, в свою компанию?

Женщины прятали глаза от него, с обидной сострадательностью вздыхали.

– Вы, может, думаете, обузой буду, не справлюсь?

– Да мы-то что, мы и вовсе ничего такого, сам-то, сам-то как ты будешь?

– Передохнул бы, оклемался. Насчет харчишек подсобим уж кто чем...

– Словом, договорились, – прервал разговоры Букреев и сквозь стиснутые зубы цедил, идя к конным граблям: – Харчишками помогут! Покруче! Бабье! Я еще покажу, что меня в утиль рано списывать!

Он хотел быстро, по-молодецки вскочить на круглое сиденье граблей, но деревяшка задела оглоблю, и он чуть было не свалился под ноги лошади. Женщины,

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
наученные горем уважать чужую беду, сделали вид, будто ничего не заметили. Павел Степанович погнал лошадь, испуганно думая о том, как он будет одной рукой сбрасывать с граблей вал сена и в то же время править лошадью.

Но все обошлось. Сначала вожжи брал в зубы, а потом приспособился их между колен зажимать, благо колено у ампутированной ноги осталось.

Так вот с этого дня, с конных граблей, на которых обычно мальчишки управляют, и началась его послевоенная жизнь. Женщины признали его за мужика и стали обращаться к нему за помощью и советом. А он незаметно для себя сделался в деревне вроде бригадира. Так что, когда правление предложило ему занять эту должность в Дымной, он только рассмеялся:

– Да мои бабы давно уж меня утвердили...

Дымная в трех километрах от Корзиновки. Тася шла сюда по дороге, обозначенной, как вехами, телеграфными столбами. На полях третьей бригады много небранного картофеля и почти совсем не тронута капуста. Было сыро и холодно. Ветер все гнал и гнал тучи.

Тася плотнее закуталась в шаль, которую ей дала Лидия Николаевна, и прибавила шагу.

– Где мне найти бригадира? – спросила Тася у женщины, ехавшей на телеге ей навстречу.

Женщина натянула вожжи, поправила мокрый платок, сползший почти на брови, и внимательно посмотрела на Тасю. У нее было скуластое лицо, открытый взгляд и крепкие, мужицкие руки.

– Бригадира? – переспросила она и чему-то усмехнулась. – Найти его не так просто, да вам повезло, он аккурат сейчас обедает. Мужик ведь это мой. Беда, девонька, когда мужик в начальниках ходит. – По тону женщины нельзя было понять: осуждает она своего мужа или довольна им. – Завернула бы я с вами домой, да боюсь, достанется от начальника. Послал меня за землей к речке Корзиновке, горшки собираются зимой лепить для рассады. А найти нашу избу просто. Во-он, видите, большая изба в синий цвет выкрашена? В ней никто не живет. Так три дома отсчитайте и напротив колодца увидите старую избу, у ворот еще большущая липа растет, вот туда и ступайте. Женщина стегнула лошадь вожжами и, обернувшись, крикнула: – Слух был про нового агронома, знать то вы?

Тася кивнула головой и пошла разыскивать дом Букреева. В большой избе, выкрашенной в синий цвет, оказался временный овощной склад. Тася завернула туда.

А в это время Павел Степанович хлебал горячие щи со сметаной. Теща его, Глафира Тимофеевна, хлопотала в кухне и жаловалась на внуков, выглядывавших с печки из-за трубы.

– Со старшим, Пашенька, я уж не в силах совладать. Проворный больно и плут. Кол ему, значит, вкатили по письму, а он его резинкой цирк-цирк – и нету кола. А я спрашиваю, пошто дыра на тетрадке? А он говорит: «Клякса была». И в кого такой мошенник? У нас таких не бывало, и у вас вроде бы не примечалось. С младшим-то, Пашенька, тоже беда: он все норовит крутить у радева разные колесики. Оно как заревет, матушки мои! А то как в воду канет и начнет разными голосами: и по-кошачьи, и по-всякому выть. Чисто леший на болоте. Лупила я уж его – нейдет. Как выйду, так он к радиве к этой, проклятой. Ты ешь, ешь, Пашенька, отошлал вовсе. Шутка ли, эстоль не евши. Тебя тоже лупить бы, да некому.

Павел Степанович слушал Глафиру Тимофеевну, ел и тихонько посмеивался. Теща наконец-то дождалась человека, который терпеливо слушал ее. Заодно она жаловалась и на жену, то есть на свою дочь:

– А та, потатчица, нет чтобы малых приструнить, сама зубы скалит. Ты уж. Пашенька, батюшко, побудь сегодня дома, натрудил ноженьку-то увечную.

Голос у Глафиры Тимофеевны становился жалобным и нежным. Она очень любит жалеть людей. Павел Степанович морщился.

– Эй, ударники! Где вы там? А ну, слась с печки отчет держать!

Сначала младший, Валерка, а за ним и старший, Афонька, медленно спускаются с печки и предстают перед отцом. У старшего до пула разорвана рубаха. «Опять за голубями по крышам лазал», – подумал Павел Степанович и спросил:

– Как же ты, Афонька, кол-то добыл?

– По письму.

– Да мне бабушка уж сообщила, что по письму. Год только начался, а ты с колями являешься. Может, попросить учительницу, чтобы она тебя обратно в первый класс перевела, не может, мол, слабак оказался.

– У-у, слабак! Если захочу, так...

– Значит, осталось только захотеть? Тогда не беда. Хотенье – это, брат, дело наживное. А ну, давай сюда тетрадки, посмотрим, что там у тебя.

Афонька потупился.

– Чего, совестно глазцам-то стало? Тащи, тащи давай дырявые тетрадки, – заворчала Глафира Тимофеевна.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

– И притащу!

– И притащи! Ы-ы, лихорадка, зубастый какой. Вот с ним и совладай, с пролетарьей!

Афонька глянул на бабушку исподлобья и пошел за тетрадками. Глафира Тимофеевна принялась убирать со стола. Скрипнула дверь, и от порога послышалось:

– Здравствуйте. Где я могу увидеть бригадира?

Павел Степанович использовал каждую свободную минуту, чтобы дать отдохнуть культе, и при всяком удобном случае отвязывал деревяшку. Сейчас он, опершись рукой о стол, привстал, начал глазами отыскивать деревяшку. Заметив это, Глафира Тимофеевна сказала:

– Да я сушить ее положила.

– Ну вот, подхватит тебя не вовремя. Проходите, пожалуйста, проходите. Сейчас я ногу прилажу. Вы откуда будете?

– Я – новый агроном.

Павел Степанович быстро вскинул голову, внимательно и долго разглядывал Тасю, пристраивая в то же время деревяшку.

– Ну, здравствуйте, товарищ новый агроном! – Он ковыльнул ей навстречу. – К столу милости просим.

Букреев подождал, пока Тася снимет телогрейку, сам пристроил ее на вешалку и провел гостью в переднюю.

Здесь Павел Степанович заметил наконец, что теща скептически поджала губы и подозрительно наблюдает за ними.

– Мама! А ну, что у тебя есть в печи и в погребе – все подавай на стол! Вы уж располагайтесь сами, как дома. Мы гостям всегда рады, обернулся он к Тасе и тут же распорядился: – Афонька, айда к Чашихе и скажи, чтобы она вместо меня там покомандовала!

Тася несколько оправилась от смущения и сказала:

– Вы знаете, в госпитале, где я работала, лежал сержант. Очень вы его напоминаете.

– Вы работали в госпитале? – быстро спросил Павел Степанович. А Глафира Тимофеевна всплеснула руками и затараторила:

– И-и, голубушка ты милая. Да куда нам тебя посадить, сердешную, и чем же тебя попотчевать за труды твои святые и тяжкие. Вон ведь каких выхаживала, – кивнула она головой на Букреева, – легко ли это?

– Не я, бабушка, таких спасала, а врачи.

– Знамо, не одна ты, знамо. А все-таки велик труд воскрешать людей, не всякому под силу.

– Мама! – напомнил ей Павел Степанович.

– Иду, Пашенька, бегу, милушка...

– Да вы напрасно беспокоитесь, я ничего не хочу, – смущенно запротестовала Тася. – Я просто пришла познакомиться с вами и с вашими делами.

– Вот и хорошо, что сразу в бригады пошли, правильно сделали. А от обеда отказываться нельзя. В нашей деревне обычай уральские: человек пришел – обогрей, накорми его. А обычай, как вам известно, уважать надо. – Павел Степанович чуть заметно улыбнулся, глядя на Тасю небольшими, цепкими глазами. – если они не дикие, конечно...

Минут через двадцать все сидели за столом. Откуда-то из подполья Глафира Тимофеевна вытащила бутылку настойки, которую, по ее словам, она хранила «на всякий случай» еще с Троицы. Она вытерла бутылку передником и с видом щедрого человека пристукнула ею по столу: знай, мол, наших!

Как Тася ни упиралась, ее все-таки заставили «пригубить» полрюмочки. Хотела Глафира Тимофеевна еще «приневолить» гостеньку, но Павел Степанович заступился, сказав, что человек находится при исполнении служебных обязанностей. Такой довод подействовал на старуху, и она унесла свою бутылку в подполье.

Разговор шел сам собой, без всяких понуждений. Тася чувствовала себя здесь просто. «И чего только в городе не болтали мне насчет того, что не найду общего языка с деревенскими жителями. Да до иного деревенского, как я погляжу, еще тянугься да и тянуться надо», – думала Тася, слушая Павла Степановича.

А он детально, с толком рассказывал ей о делах бригады, о людях колхоза, о том, почему у них так плохо дело с уборкой овощей.

Несмотря на засушливое лето, бригада Букреева вырастила хороший урожай. Но людей на уборке очень мало. Председатель же, как всегда, надеется, что Букреев как-нибудь выкружится, урожай уберет, а не уберет – с него спросить проще – он коммунист, поэтому Птахин и отправляет людей, прибывших на уборку, в другие бригады.

– А правление куда же смотрит? – возмутилась Тася.

– Правление – это Птахин, его жена да заместитель председателя Карасев. Что они скажут – так и будет. Вокруг них кумовья, сваты, тесты и зятя. Прикормились

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
возле руководства, им не выгодно с начальством спорить. Осмолов, пастух наш, спорит, да один в поле не воин. Вы с пастухом нашим познакомились?
– Слышала о нем, но познакомиться еще не успела.
– Обязательно познакомьтесь. Умный старик. Да, нас Бог не обидел умными-то людьми. Разбрелись только они, махнули на все рукой.
– А вы, Павел Степанович, как с семьей живете? Пенсию получаете?
– Получаю, и приличную. На скромное житье моей семье хватило бы. Но я работаю не за один кусок хлеба.
Получилось это немножко громко, и Павел Степанович зарделся.
– Вот сказанул тоже, как на собрании. Ну, что ж, товарищ агроном, поднялся Павел Степанович, – пойдете поглядим кое-что, а потом и на поле завернем.
Павел Степанович провел ее в переднюю комнату. Жена бригадира была любительница цветов: на окошках, на столе, на полу – всюду стояли горшки, ящики, банки с разнообразными цветами. На одном окне, между цветами, лежали горкой красные сморщенные помидоры.
– Вот, – взяв в руку один, сказал Павел Степанович, и в голосе послышались нотки гордости, – моя работа!
Тася с недоумением посмотрела на помидор. Особенно в нем ничего не было. Чем тут хвастаться?
– Обыкновенный, правда?
– Самый обыкновенный.
– Кому как. Рассада этого помидора нынешней весной выдержала шестиградусный заморозок.
– Да что вы? Шесть градусов?! Даже не верится.
– Эх, мать моя! Поволновался я из-за них. Да и не я один. Мне помогают, – Павел Степанович положил помидор и достал с полочки, на которой рядками стояли книги, пачку писем, – из научно-исследовательского института. Там у них имеется специальная семеноводческая лаборатория. Они меня наставили на путь истинный. По их советам и принялся делать закалку семян. Когда заморозки начались, так в институте, кажется, еще больше меня переживали. Я им каждый день письма писал. И несколько помидор послал на разживу. – Павел Степанович махнул рукой и кинул письма на полку. – Опять расхвастался, рад свежему человеку. А хвалиться-то рано еще, мало кустов устояло в мороз. Однако сдвиги есть. В нашем колхозе да и во всем районе с помощью закалки сейчас помидоры уже выдерживают четыре градуса, а иной им и вовсе нипочем.
Они отправились на поля. На завалинках под навесами домов, нахохлившись, дремали куры и петух не хорохорился, как в былые времена, а тоже сидел тихо и мирно. На дороге в протертых колеях холодно поблескивала грязная вода. Во многих местах глубокие ржавые выбоины были завалены осклизлой ботвой и соломой. Березовые листья, плавающие в лужах, были похожи на старинные, потускневшие медяки. В поле, прихваченные первыми заморозками, темными тряпками повисли картофельные кусты. Только брюхатые капустные кочаны вольно развалились в темно-зеленой распахнутой одежде.
– Вот, – вздохнул Павел Степанович, – если так будем убирать, многое уйдет под снег. В прошлом году больше семи гектар картошки не выкопали, да и ту, что убрали, только считается – убрали. Половина осталась в земле, половину в овощехранилище заморозили. Весной на семена картошку занимали по всему району.
– А как у вас нынче с овощехранилищами?
– Нынче? – Павел Степанович прошел несколько шагов молча. – Нынче я плюнул на распоряжения нашего руководства и решил хранить картофель в бригадном овощехранилище. Будет мне за это.
– Почему?
– Велено свозить картофель, как и в прошлом году, в общеколхозное овощехранилище, а мы не решаемся. Как бы снова не зареветь весной.
Впереди, на картофельном поле, работали люди. Было их человек пятнадцать: ребяташки и женщины.
– Вот мои кадры, – проговорил Павел Степанович, – есть еще на свиноферме, на птицеферме и вон там, у реки, морковь убирают человек десять. А когда-то народу было полно. Все потихоньку разъехались.
Тася невесело покачала головой и поздоровалась с женщинами, гревшими озябшие руки у огонька, разведенного на меже.
– Это наш новый агроном, – представил Букреев Тасю.
Женщины, особенно девчата-подростки, с любопытством уставились на нее.
– Выходит, председателю-то турнули? – спросила женщина, обутая в глубокие шахтерские галоши.
– Да, убрали.
– Самого бы еще выдворить, – сказала другая колхозница, выкатывая печеную картошку из золы. – Это что же, Павел Степанович, опять овощ зимовать останется?

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

Ходили, ходили, чугь не дышали на каждый кустик – и все замерзнет?

– Ничего, не волнуйтесь. Я угром сегодня по леспромхозовскому телефону звонил в райисполком и к шефам нашим. Обещали помочь. Завтра как раз воскресенье, нагрянет много народу. Картошку, свеклу, морковь помогут убрать. А капусту мы и сами как-нибудь вырубим.

– Дал бы Бог. Душа ноет, столь добра пропадет, – заговорили женщины разом уже повеселее.

– Нет, нынче прошлогодняя картина не повторится. Правительство постановление выпустило, подшевелило кой-кого. Будем просить, стучать, кричать. Неправда, добьемся своего.

– Ой, спасибо тебе, Павел Степанович, ты прямо как душеспаситель. Поговоришь, и вроде на сердце легче сделается.

– А ну вас, – смутился бригадир и махнул рукой, – идите копайте. Вон, кажется, Карасев едет.

От леса, по дороге, разбрасывая комья грязи, быстро мчалась сытая и красивая лошадь, запряженная во франтоватую рессорную двуколку.

– Чисто представитель какой раскатывает, – мрачно обронил Павел Степанович.

Двуколка, поравнявшись, остановилась. Из нее, помахая витым хлыстом, вылез упитанный мужчина со свежим лицом, на котором резко выделялся большой мясистый рот. Не здороваясь, он сказал Букрееву:

– Ты чего туг самоуправничаешь, а? Ты чего тут свои порядки наводишь? Кто тебе разрешил подвал ремонтировать?

– Моя теща. Говорит, чтоб не получилось, как в прошлом году. Понадеешься на Карасева и сложишь зубы на полку, а весной караул будешь кричать без семян.

– Вон ты как?! Придется тебе, дорогой товарищ, на собрании отчет держать за разбазаривание трудодней и за самоуправство. Было постановление правления свозить картофель и овощи в колхозное овощехранилище?

Неожиданно для всех Букреев вспылал:

– Филькина грамота – это ваше постановление. Вы хранилище-то подготовили? Людей на вывозку дали? Хотите, чтобы я снова, как в прошлом году, ждал вас?

Спасибо! На собрании вопрос поставят! Я сам думаю этот вопрос давно поставить. И поставлю. И посмотрю, какое выражение на лицах начальства будет.

Видимо, много накопело на душе у бригадира. Карасев растерянно моргал, ошарашенный этой вспышкой всегда уравновешенного человека. Но он был не из таких, чтобы уступить.

– Та-ак. Хвост начал поднимать, – прищурился он на Букреева. Услышал, наверное, что в райисполкоме новые люди появились? И они поддержат, так? Воин, бригадир, новатор! Помидорки на морозе вырастил, арбузы принялся садить... Как не поддержать такого? Авторитет! А про овощи забыл, да? Гляди, что у тебя в поле! Заморозишь – под суд пойдешь! Вот и весь сказ.

Павел Степанович уже успел овладеть собой и спокойно произнес:

– Слушай, уматывай ты отсюда. Бренчишь языком, как балалайкой. Судить людей у тебя еще нос не дорос. – И заковылял на своей деревяшке к огню, помахая рукавом, выдернувшись из-за пояса.

Женщины, сгрудившиеся вокруг двуколки, ругаясь и шумя, тоже стали расходиться. Осталась одна Тася. Карасев повернулся к ней. И выражение его лица, и взгляд как будто говорили: «Вот и поработай с такими вот... И руководи соответственно...» Возмущение, постепенно нарастающее в Тасе, внезапно прорвалось:

– Нечего сказать, распорядились! Задали трезвону! Да как у вас язык поворачивается кричать на такого человека? – Чувствуя, что в ней все дрожит от негодования и что сейчас она окончательно выйдет из себя, Тася повернулась, пошла следом за Букреевым.

– Это еще что за чин? – послышался ей вслед голос Карасева. – А-а, агрономша Голубева. Н-ну, подожди, поганка!

– Вот это руководитель! Вот это деятель! – негодовала Тася, догнав Павла Степановича.

Букреев сумрачным взглядом проводил двуколку Карасева и, словно продолжая начатый разговор, произнес:

– Крепко засел он в нашем колхозе. А нынче все! Он это чувствует, вот и шеборшит. Пусть пошеборшит, а потом копытами оземь стукнет – свалим.

Весь остаток дня Тася ходила по владениям бригады. Когда осмотрела конный двор, фермы, познакомилась со всеми работниками, призналась:

– Я ожидала увидеть худшее.

– За такой отзыв я вас, товарищ агроном, угощу собственноручно выращенными арбузами. Идемте, – полушутя сказал Букреев и уже серьезно добавил: – Было лучше. Я здесь с первого дня в колхозе-то. Капелька по капельке собирали добро, хозяйство ладили. Государству в карман не залезали. Но недоглядели – и заскрипело хозяйство. Виноваты в этом не только наши липовые руководители. Но и

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

мы. И я тоже. Вот он орет, глаза таращит, как налим, Карасев-то, А кто его сюда звал? Кто ему колхоз доверил? Мы. Начальство прислало, мы голосуем – и делу конец. Провернули мероприятие. И я тоже, видел ведь по морде, по ухваткам видел, что это за фрукт, но руку поднял. Безразличие какое-то, что ли, появилось, червяк этот, душеед...

– Вы наговариваете на себя.

– Наговариваю? Кабы не наговаривал! – Букреев замолчал, призадумался. Лицо сделалось грустным, у губ легли складки, которые еще больше отгоняли худобу ввалившихся щек. Потом он медленно заговорил и тихим своим голосом поведал о том, что не давало ему покоя, томило и тревожило.

Себя он винил во многих колхозных бедах. Избавился вот от обязанностей члена правления и окопался в своей бригаде. Нашлось немало таких, как он. Отошли в сторонку от ответственности, позволили хапугам прибрать колхоз к рукам. Год от года меньше и меньше стали выдавать на трудодень хлеба и денег, а о таких вещах, как сено, мясо, мед и прочее, – даже и говорить перестали. Будто так и полагается: жить колхознику в деревне и покупать молоко для ребятишек. Не всегда так было. Пока не началась война, колхозники «Уральского партизана» жили как полагается. Дома у них не валились, и никто не прятался за минимум, который очень удобен для лодырей. Двести трудодней – вот она, эта шаблонная цифра, одинаковая для старухи и для здорового мужчины. Выработал человек минимум трудодней и считает – он свое дело сделал, можно ехать на базар в горячую пору, работать на своем огороде. А на колхозных полях трудятся городские люди, зачастую ничего не разумеющие в сельском хозяйстве, а иной раз и равнодушные к тому, что им поручено делать.

Во время уборки овощей наезжает в колхозы много школьников, студентов, ремесленников. Народ веселый, любит работать с песнями, но обрывает только те картофелины, которые вытаскиваются на корнях. Нет того чтобы поглубже копнуть. Все, что есть в земле, их не интересует. Они поехали в колхоз на одно воскресенье, лишились законного выходного. Они возмущаются, глядя, как в это же время колхозники копаются на своих огородах или просто бездельничают, справляют именины.

– Вот взять вояк-фронтвиков, – говорил Павел Степанович. – Они ведь сначала горячо взялись за дело. А толку что? Человек ведь должен за что-то работать. Не одним воздухом он сыт. А туг, глядишь, была пара солдатского обмундирования и та развалилась. Помочь бы фронтвику на первых порах закрепиться в деревне, деньжонок вырешить, дом подремонтировать, а кому и коровенку выделить, лишний раз лошадь дать на рынок съездить. Ведь пообносились, шибко пообносились мы за войну. Сплошь и рядом у нас и ребятишки, и бабы ходят в перешитых гимнастерках, и мужики еще в солдатском, в латаных галифе. В городе уж давно списали эту одежду, а у нас ходят. А ведь люди-то не слепые, видят. Воевал, к примеру, я вместе с Ванькой Зарубиным. Он вернулся, на завод устроился. Сначала чернорабочим, а сейчас уже машинист крана, мостового. Я как-то зашел к нему, гляжу: у него и радиолы, и ребятишки в панамках, и жена в шелковом платье, в театры хоть не часто, да ходят. Почему? Может, он больше меня работает? Может, ума у него больше, сноровки?

Букреев вдруг замолк и, помолчав, сказал:

– Я про себя вот так думаю: если мы народ не соберем в кучу, не заинтересуем его трудоднями, не создадим ему возможностей жить по-человечески – пропадут такие колхозы, как наш, уйдут из него люди, вовсе уйдут.

Павел Степанович с трудом выдерживал деревяшку из грязи и начал сильно припадать на увечную ногу.

– Хватит, Павел Степанович, со мной прогуливаться, идите домой, вам надо отдохнуть, – осторожно предложила Тася.

– Я привычен, – махнул рукой Павел Степанович. – Значит, у нас в бригаде, говоришь, еще терпимо?

– По-моему, вы прибудняетесь. Скоро вот новые машины будут созданы и для наших гористых мест. – Тася поймала себя на том, что уже колхозные поля называет своими. Отметил это про себя и Букреев.

– Да кабы дело в одной моей бригаде было – это бы поправили, – сказал он. – За все душа болит, за все. В умиление приходили наши большие и маленькие начальники от успехов передовых колхозов, упивались. Их напоказ вытаскивали. Я вот был с делегацией передовиков в знаменитом колхозе в Кировской области. Что тебе сказать? Там почти коммунизм. Труд культурный, отдых – тоже. Есть свой санаторий, Дворец культуры, гостиница, столовые, баня похлеще городской и все такое. Женщины даже обед дома не готовят, огородов своих и в помине нет. Песня, не жизнь! Там одних экскурсантов, может, сотни каждый день бывает, а что писателей, артистов наезжает – и не перечесть. Однако я человек любопытный и по дороге на станцию попросил завезти нас в другие колхозы. И что вы думаете? Я там

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

увидел заколоченные избы, а с тех, что не заколочены, солома скоту скормлена. – Павел Степанович сердито сдернул фуражку, хлопнул по деревяшке и, сворачивая в проулок, закончил:

– Вот и смотри. Земля одна и та же, а работают и живут по-разному. Можно, значит, своими руками поднять колхоз. Ведь такие же люди это сделали, как и мы с тобой. Только хозяин нужен. Чтобы каждый себя чувствовал хозяином. А мы?..

– Вам хорошо, Павел Степанович, вы знаете, что и как делать. А вот с чего начинать мне? – неожиданно высказала Тася мучившие ее мысли. Она нагнулась, сорвала прихваченную инеем кисть пырея и принялась тереть ее, соря семенами. – Сложно здесь все! Мне представлялось проще.

– Э-э, товарищ агроном, я, кажется, вас запугал, – засмеялся Павел Степанович и, прикуривая, спросил: – А может, Карасев холоду напустил? Погодите горевать. Мы еще поработаем. – И он легонько похлопал единственной рукой по ее намокшему рукаву.

В избах зажигали огни, и свет тускло пробивался сквозь сырой, тягучий мрак. На улице фыркнула лошадь, таща телегу с картофелем. В дальнем конце Дымной, у пруда, лаяли собаки. Сверху из темноты сыпала мелкая пыльца. Сколь ни гляди вокруг, ничего не увидишь, только звуки, приглушенные дождем, доносятся до слуха, и по ним можно угадать, что деревенская жизнь только замерла, притаилась до поры до времени. Ненастье бывает затяжное, но оно все равно сменяется ведром. Это уж так. Это было и будет.

На острове покосы. Павел Степанович собрался плыть туда, проверить, не разломал ли скот изгороди возле стогов. На острове располагалась четвертая бригада. И если коровы колхозников заберутся в остожья, хозяйки могут сделать вид, что и не заметили этого.

Хозяйки эти вообще народ дотошный – из ничего делают чего. Держат коров, свиней, кур, некоторые – коз. Заберутся козы на колхозную капусту, они часа два их оттуда прогоняют; такие у них козы непослушные, такие прыткие. Капусту колхозную любят до страсти. Все вилки на поле погрызли, а вот в своих огородах ничего, все цело. Козы тоже понимают, где капуста слаще.

Коровы же толкутся осенями у стогов колхозных, обдергивают их, сено топчут. Не поставишь же у каждого стога сторожа. Коровы это понимают и пользуются, несознательные.

А куры – те глупее, те лезут куда попало, особенно к веялкам. Клюют зерно, проклятые. Особенно нравится им семенное зерно. Глупая вроде птица, а тоже знает, что сытнее.

Интересная скотина пошла, непослушная, никакого сладу с ней нет. Вот и рвут они колхозное добро, где сена клок, где капусты вилок, а где и зернышко, а хозяйкам доходишко от этого какой ни на есть. Хозяйки своему скоту не чужие, хозяйки шибко дотошные.

Тася слушала о хозяйках с грустной улыбкой и, проведив Букреева, шла на леспромхозовский склад и все думала об этих хозяйках, думала и сокрушенно покачивала головой.

Склад ниже по реке, километрах в двух от Дымной. Здесь заканчивался остров и в устье протоки резко шумел пережат. Вдоль берега высились штабеля леса. На узкоколейной дороге, что подходила к самой реке, стояли платформочки с лесом. Автокраны быстро их разгружали. Где-то в лесу голосисто покрикивал паровозик.

Тася дозвонилась до МТС, попросила к телефону Чудинова.

– Слушаю, – спокойно откликнулся Чудинов и с кем-то заговорил там вполголоса. Тася медлила, и Чудинов уже нетерпеливо повторил: – Ну, слушаю, кто там? Чудинов у телефона.

Узнав голос Таси, он сначала что-то промышчал, потом прокашлялся и с готовностью заговорил:

– Да, да, я слушаю. Что вы хотели?

Тася как можно спокойнее объяснила ему положение в третьей бригаде и попросила прислать на выходной день если не два, то хотя бы один трактор с картофелекопалкой, так как ожидается приезд большой группы людей и нужно поднагнать на уборку картошки, иначе заморозит.

Чудинов на секунду задумался.

– Один трактор мы пришлем обязательно, – через минуту сказал он, – а второго пока обещать не могу, посоветуемся, подумаем и, если сумеем выкроить, обязательно пришлем. Пусть Букреев сильно не убивается. На днях загоним к нему еще два трактора. Картошку уберем обязательно. Я, откровенно говоря, думал, что у него дела с уборкой обстоят лучше. Меня насчет его бригады успокоили колхозные начальники.

– Напрасно вы их послушали, это брехня.

– Разберемся. А вы как, осваиваетесь, вижу, за дело беретесь? Позванивайте сюда из других бригад, информируйте о ходе уборки. – Чудинов старался говорить

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
просто, как всегда, но получалось у него как-то все неестественно,
полуофициально.

Тася поспешила закончить разговор, повесила трубку.

Несколько минут она стояла неподвижно, безжизненно опустив руки. Потом побрела в деревню, думая о том, что вот так все время придется играть в прятки, обманывать себя и окружающих, быть взаимно вежливой. Остается одно средство – избегать Чудинова, как можно реже встречаться и разговаривать с ним.

Однако Тася отлично сознавала, что избегать Чудинова будет трудно. Работа есть работа.

Так размышляла Тася, шагая к Дымной. Было тоскливо брести по безлюдной деревенской улице. Почему-то Тасе вспомнился тракторист Лихачев с темными и печальными глазами. Захотелось увидеть его и поговорить.

В тот раз, на поле, разговор получился мимолетный, бестолковый какой-то и она почти ничего толком не узнала о трактористе.

Ему, возможно, тоже одиноко в этот вечер? Но тут же Тася забыла о Лихачеве. Слишком уж много мыслей нахлынуло на нее. Мыслей о будущем житье, о работе.

А кругом шуршал и шуршал дождь. Хоть бы к утру перестал. Истомил он уже и землю, и людей.

Глава пятая

Рано утром Букреев с Тасей позавтракали и отправились на поля. Дождь ночью действительно перестал, и ударил небольшой заморозок. Тася, утянув голову в плечи, поживалась. Вчера они очень поздно легли спать проговорили почти до двух часов. Тася не выспалась. Вид у нее был вялый. А Павел Степанович выглядел бодро. Он, очевидно, уже привык спать по два-три часа в сутки. Еще более приободрился бригадир, когда из МТС пришли два трактора с картофелекопалками.

– Теперь дело за народом. – довольно потирая рукой щеку, проговорил он и тут же сделался мрачным. – Будь вот свои люди – и сразу дело пошло бы, а то жди, гадай: приедут или нет? И приедут, так мороки с ними целый воз. Значит, ты мне, Петровна, сегодня поможешь. Я, пожалуй, тебя отправлю с нашими, а сам с приезжими останусь.

– Может быть, надо встретить людей?

– На этот счет мне беспокоиться не приходится. Наш председатель обычно сам встречает и распределяет приезжих по полям, – усмехнулся Букреев и, приложив руку козырьком к глазам, посмотрел в сторону корзиновки.

– Сам? Странно. Он что, бригадирам не доверяет?

– Кто его знает?! У него, видишь ли, политика своего рода. Целую неделю не показывается на полях, зудит по телефону в райком: жалуется, ноет, людей выпрашивает, а потом сам их встретит, всячески выкорит тем, что мы, мол, тут за всех ковыряемся, ну и городские-то со злом работают. Знай подводы подавай. Словом, хитрит. И до того дохитрился, что садить и убирать овощи стали в основном люди приезжие, а в колхозе народу – пшик один остался. И собаки его знают, где он набрался этой мудрости, из каких таких отраслей науки? Да я уж тебе говорил обо всем этом и снова принялся. Большое-то место, как ни остерегайся, все равно заденешь. Так вот, Петровна, ты, значит, валяй с одним трактором и прямо от реки начинайте заезжать. Там картошка добрая и ее убирать лучше своими силами. Глядишь, с нашими работницами ближе сойдешься.

Тася начала понимать, почему так настойчиво бригадир отправляет ее работать с колхозниками, хотя она выразила желание поработать с приезжими. Она благодарно посмотрела на бригадира и заторопилась:

– Так я побежала, Павел Степанович!

– Про себя не забывай!

– Ничего. Мы картошки напечем, – уже на ходу отозвалась Тася. Она вынула руки из карманов, приподняла шаль со лба, чтобы выглядеть бодрой. Как-никак ей сегодня нужно будет руководить людьми, руководить впервые. Это что-нибудь да значило!

За рекой лениво вставало солнце. Кругом начинало парить, и диск солнца проглядывал сквозь пелену тумана тусклым пятном.

День обещал быть погожим. Впрочем, осенью угадать погоду очень трудно. Она может измениться несколько раз в течение дня.

«Необходимо сегодня убрать как можно больше, теперь уж трудно рассчитывать на добрую погоду». – Тася бежала, перепрыгивая через лужи, замерзшие по краям.

Птахин приехал в Дымную с первой машиной. Он выскочил из кабины прямо в грязь и подал руку Букрееву:

– Здорово живем, бригадир!

– Здравствуй, председатель!

– Вот привез к тебе на прорыв металлургов, – кивнул он головой на машину, где тесно сидели мужчины и женщины. – Пусть поклоняются родной земле, вспомнят,

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

как она пахнет, забыли, наверное.

– Мы не забыли, – ворчали приезжие, соскакивая с машины. – Вот вы тут, пожалуй, забудете вовсе, как картошку копают. Зато на базаре мастера торговать, втридорога с нас драть.

– Сдерешь с вас! – огрызнулся председатель. – Вы в магазин явитесь: подай вам горбушку, и никаких гвоздей. А в колхозе раз в неделю появитесь и то шумите: «Ох, тяжело! Ох, мокро! Ох, пропади она пропадом!» Небось не в Питерах выросли, а из деревни умотали. А у меня народу раз-два – и обчелся, потрудитесь с ним, соберите хороший урожай.

– Плохо руководишь, вот и разбежались люди. От добра добра не ищут, из путных колхозов не уезжают. А нас ты не кори. Мы свое дело делаем первосортную сталь даем.

– И мы свое делаем, как умеем.

– То-то что не умеете.

– Поменяемся! Я к мартену пойду, а вы сюда!

– Жарко там, начальник, а ты с прохладцей работать привык.

Птахин хлебнул воздух, не зная, что ответить, щеки его порозовели.

– Брось комедию представлять, – тихо сказал председателю Букреев и добавил: – Распределять надо людей на работу, время идет.

– Вот правильно, Павел Степанович, давно за дело пора, – сказала пожилая женщина в клетчатом платке...

– А этого не переслушаешь, – взглянула она на Птахина. – он уж совсем отвык без горла обходиться. Каркает, каркает, как ворона перед непогодой, и думает, что людям приятно слушать его.

– Мастера критиковать-то, – зло отозвался Птахин. – Увидим, каковы на деле.

– Не беспокойся! Металлурги не подкачают, они привыкли живо работать.

– Погляжу.

– Вот-вот, глядеть-то ты и годен только. Погодите, Иван Андреевич сгонит с вас дремоту.

– Какой еще Иван Андреевич?

– Уланов. Наш парторг. Его секретарем по зоне эмтээс назначили. Скоро познакомитесь!

В это время с другой стороны деревни подошла еще машина с людьми. На ней было шумно и весело. Вместе со всеми пел и пытался дирижировать одной рукой директор леспромхоза, белобрысый и удивительно подвижный человек с узенькими лукавыми глазками. Он легко, как мячик, прыгнул через борт машины на дорогу, поздоровался со всеми и потребовал:

– фронт работы моим лесорубам обеспечить!

– Да хоть три фронта, милый человек! – весело отозвался Павел Степанович.

Птахин сумрачно стоял в стороне. Потоптавшись для порядка, приказал:

– Ну, ты тут, Букреев, жми, чтобы сегодня картошку выкопали. А я пошел к Разумееву.

– Давай иди, – облегченно выдохнул Букреев и начал распределять людей по полям.

С леспромхозовскими он послал высокую и сердитую старуху Чащиху в качестве своего заместителя. Директор леспромхоза любезно подхватил ее под руку и, что-то живо наговаривая, пошел впереди рабочих в поле. К удивлению Павла Степановича, Чащиха не выдернула у директора руку, а шагала рядом и сквозь смех наговаривала:

– Ох, леший! Не одной же девке ты смолоду мозги вывихнул.

Птахин не пошел к Разумееву, овощеводу из шестой бригады. Он вышел на берег протоки.

Совсем недалеко от него тархтел трактор. Он полз от реки на косогор, осгавляя за собой переворошенную землю, на которой выводками и вразброс валялись картофелины. Следом за трактором шагали женщины с ведрами, корзинами и лопатами. Они то и дело сворачивали на межу, опрокидывали ведра. Куча картофеля росла.

До Птахина донеслась песня. Он удивился. Давно люди не работали с песнями, тем более осенью. Весной – другое дело. Песня была старая, здешняя, про разлюбленную девушку, которая уезжает в далекие края, не вынеся душевных мук.

Вот тронулся поезд

В далекую сторонку,

Кондуктор, нажми на тормоза!

С последним поклоном

Я маменьке родной

Хочу показаться на глаза...

Вместе со всеми пела и Тася. Слов она не знала, но к мелодии быстро привыкла и подтягивала. Птахин заметил ее, заметил, что она поет. «Пожалуй, сойдется со здешними, гляди, работой не пренебрегает, не то, что моя преподобная супруга. А

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

может быть, для вида, приспособиться к людям охота, в доверие втереться?»

Птахин поймал себя на том, что он обо всех стал думать как-то нехорошо, с желчью. Вот совершенно новый человек, ничего ему худого не сделал, а он уж поносит его про себя. «И что это сделалось с тобой, Зиновий Константинович, чего ты злишься и зло ехидством да чванством прикрываешь?» – невесело подумал он.

Был колхоз «Уральский партизан» средним в районе. Люди захотели, чтобы он стал первым, выбрали председателем Птахина – агронома. С его помощью колхоз сделался худшим. На словах, в отчетах председатель может придумать множество причин, свалить вину на кого угодно, а себя-то не обманешь. Не сумел быть председателем, плохим оказался хозяином. Надо было вовремя признаться – не сделал этого, теперь казись.

Может быть, поступил бы Птахин честно, ушел бы обратно в агрономы, загладил бы свою вину перед колхозниками, но «опекуны» из райсельхозотдела не давали ему об этом даже и заикнуться.

Хлопотное дело – менять председателя в полуразваленном колхозе. Надо подбирать в такое хозяйство человека крепкого и с образованием. А ну как из обкома дадут указание: «Вот вы, уважаемый начальник райсельхозотдела Матанин, и принимайте „Партизана“. Развалить хозяйство сумели, сумеете его и на ноги поставить».

Матанин из молодых, а ранний. Уберечь себя от лишних беспокойств умеет. Ветер только в обкомовском скверике тополя зашевелит, а он уже здесь, в районе, этот шорох слышит. С таким нюхом человек сумел за несколько лет добраться до поста второго секретаря райкома.

После сентябрьского Пленума Матанин стал частенько наведываться в колхозы, околачиваться днями в МТС, распоряжаться, показывать. По слухам, на него были возложены обязанности секретаря райкома по зоне МТС. Он скромно уклонялся от разговоров на эту тему, присматривался, слегка шумели, видимо, окончательно убедился, что должность зонального секретаря ничего доброго не сулит. Результат его глубокой разведки налицо. Секретарем по зоне МТС избран парторг мартеновского цеха Уланов, который, по всей вероятности, хлеб видел в основном печеный, а картошку вареную.

Злило Птахина, что люди, повинные в отставании сельского хозяйства, занимавшиеся болтовней, потихоньку увивают от ответственности, предпочитают оставаться в тени. В глубине души Птахин был доволен, что вместо разных Матаниных появятся другие люди. Они по-иному будут работать, перетрясут все – новая метла чисто метет. Вполне может быть, что и его выметут.

«Да и черт с ними. Скорее бы уж!» – думал председатель, с остервенением жуя погасшую папироску. И тут же в нем заговорило противоречивое чувство: «Рад избавиться! Нагадил – и в сторону, как Матанин. Пусть, мол, другие вляпаются да уберут. Совесть-то есть еще или нет?»

Видно, совесть у Птахина еще была. Он чуть не полдня просидел на стволе старого осокоря, и от тревожных дум осунулось его лицо, начали нервно подрагивать веки над тоскливыми глазами.

На следующий день Тася перекечевала в четвертую бригаду. Павел Степанович переправил ее в лодке через протоку на остров. Погода была не дождливая, но промозглая, сырость брала до самых костей. Тася сидела на скамейке посредине лодки, куталась в большой дождевик, который на нее почти насильно надела сердобольная Глафира Тимофеевна. Ворчливая и мягкосердечная старуха долго не отпускала ее, лишь только ссылками на неотложные дела в других бригадах Тася и Павел Степанович воздействовали на нее. В карманы плаща Глафиры Тимофеевны натолкала капустных пирогов, вареных яиц. Провожала она Тасю до самого берега, что-то по привычке наказывала ей, и, когда лодка отчалила, долго стояла, пригорюнившись, на берегу.

Тасю до глубины души растрогала неподдельная, чистосердечная ласка Глафиры Тимофеевны. Старушка пыталась хоть в малой доле отблагодарить за спасение от верной смерти любимого зятя всех сряду, кто хоть какое-нибудь отношение имел к госпиталю. Она, как старая мать, лучше других знала, что родить человека – святое дело, а вернуть его к жизни – величайший подвиг.

По обмелевшей за лето протоке густо плыла пена – верный признак затяжного ненастья. Стояла тишина, плотная, тяжелая. Шест, которым ловко орудовал, хотя и одной рукой, Павел Степанович, лягал кованым наконечником о камни. Дальний лес и горы закрывал серый мрак. В воду роняли свои продолговатые листья прибрежные тальники. Птичьих голосов не слышалось.

Перелетные птицы уже миновали Урал, а те, что остались зимовать, сидели где-то в сухих местах, дремали чутко, затянув глаза тонкими пленками. Покой нарушался только однообразным треском высоковольтной линии. Костлявые опоры шагали через старицу на остров, через заречную деревню по прямой широкой просеке к городу.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

Разговаривать не было желания, Плыли молча. Когда лодка ткнулась в берег, Тася нехотя поднялась.

– Вот мы и прибыли, – с трудом сдерживая зевок, сказала она. – Ты, Павел Степанович, не провожай меня, я сама тут все същу.

Букреев оттолкнул лодку, отплыл на некоторое расстояние и, приподняв шест, крикнул:

– Так ты посмекай насчет расширения овощных полей на острове...

– Плыви, плыви, Павел Степанович, я все помню! – откликнулась Тася и начала пробираться сквозь придорожные заросли к полям четвертой бригады.

С кустов тальника и черемушника на Тасю посыпались капли воды. Дождевик намок и задубел. Тася приподняла полы дождевика, чтобы легче было идти. С протоки доносилось размеренное пощелкивание шеста о каменное дно.

«Вот и еще одного хорошего человека встретила, – прислушиваясь к замирающему стуку шеста, подумала Тася. – И одного ли?»

Тасе вспомнилось, как она вчера шла по полю с ведром, собирая картофель. Приходилось часто кланяться. Уже к обеду начала сниматься поясница. Но она изо всех сил старалась, чтобы ее усталости не заметили женщины и девушки. И напрасно старалась.

Женщины сначала убирали картофель молча, сердитые оттого, что недоспали. Они с нескрываемой иронией поглядывали на городскую дамочку, прятко бегавшую по полю с ведром. Но вот солнце поднялось выше, обогрело немножко. Колхозницы сняли с себя лишнюю одежду, рукам сделалось теплей, начались разговоры, а затем и песни.

Прошел час, второй, третий. И вот уже у приезжей дамочки руки по локоть в земле и под носом вымазано. И волосы она убирает, как все, тыльной сгороной руки, и вовсе не гордая она.

В полдень обедали на меже. Выкатывали из золы картошку, мяли ее на жухлой траве и, обжигаясь, уписывали за обе щеки.

Тася покраснелась у огня. Картошка с солью казалась ей очень вкусной. Правда, Тася не догадалась прихватить с собой хлеба. Одна из колхозниц разломилась пополам свою горбушку и, положив кусок рядом с Тасей, грубовато сказала:

– С хлебом ешьте печенки, иначе тошнить будет.

Девушка в мужицкой кожаной шапке потянула Тасю за рукав и поставила рядом с ней бутылку.

– Давайте вместе припивать молоком, – зардевшись, предложила она. И Тася поняла, что дымновские женщины принимают ее за своего человека, иначе они никогда не стали бы пить молоко с ней из одной посуды...

После обеда она уже совсем освоилась: шутила, смеялась. Женщины покрикивали на нее:

– Да ты не больно прыгай. Знаем ведь, каково с непривычки. Спина не своя будет.

Поясница действительно побаливала. Но что это могло значить в сравнении с необычным подъемом, который охватил Тасю после вчерашнего дня. Да, вчера она окончательно поняла: место ее здесь, среди этих суровых, но простых и добрых людей. С такими можно работать, а их в деревне большинство. Надо отшвырнуть в сторону все эти так называемые сердечные муки, Чудинова этого, всю эту историю. Ничто не должно заслонять собой главное – ту дорогу, по которой она идет. Сильнее всех страдают бездельники.

Вдруг из-под ноги Таси что-то метнулось. Она вскрикнула и бросилась в сторону. А через секунду уже смеялась, провожая взглядом зайца. Шкурка у него уже почти вся белая. Спит он крепко, вот и подпустил человека так близко. Долго еще белое пятно мелькало среди кустов. Видно, снова залег под колодину косой. Залег и не дышит, думая, должно быть, о том, суждено ему дожить в такой заметной шубе до снега или нет.

– Доживем, длинноухий, доживем обязательно до снега. И до весны доживем! – прошептала Тася, прибавляя шаг.

На ходу она сломала ивовый прут и, как мальчишка, сшибала им последние листочки с кустов. Дорога вывела ее на широкую поляну. Среди поля стоял огороженный жердями стог сена.

Под ногами у Таси похрустывала густая щетина отавы. Даже при беглом взгляде было видно, что поле это когда-то пахали, а потом его превратили в покос.

«Половину земельных угодий на острове запустили. А это самые лучшие земли в нашем колхозе. На них нужно прежде всего ориентироваться при планировании будущих посадок овощей», – вспомнила Тася слова Букреева и обошла поле кругом.

Возвышаясь над кустарниками, дальше виднелся еще стог сена, за ним еще и еще. Словно сказочные избышки без окон и дверей возникли и утвердились на острове.

Стоят они среди полей сиротливо, полные пряных запахов и затаившегося шума. Только изредка посят остожье коршун или ворона. Посидят молчком на вершине, подумают о чем-то своем, почистят клюв о жердь и улетят куда хочется.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

Часа через два добралась Тася и до овощных полей четвертой бригады. Поля были пустынные и унылы. Сиротливо торчали из земли капустные кочерыжки, где с одним листом, где с двумя. То там, то тут среди поля возвышались кучи из тугих капустных вилок. Дальше виднелись кучи пониже, кое-как забросанные картофельной ботвой или соломой. Возле одной кучи стояла лошадь с телегой. Несколько женщин грузили лопатами картофель в ящик, который стоял на телеге. Одна женщина о чем-то рассказывала, и остальные громко смеялись. Тася поздоровалась.

– Здравствуйте, коль не шутите, – отозвалась за всех женщина, которая рассказывала что-то веселое.

Тася спросила, где бригадир.

Женщины начали спрашивать, зачем он ей понадобился.

Пришлось объяснить. Женщины искренне удивились, что новый агроном уже добрался до них. Обступили, стали спрашивать: откуда прибыла, здешняя ли? Задавали немало вопросов, интересных с женской точки зрения. Они объявили, что бригадир у них болеет, а замещает ее молодой паренек, Осип Ральников. Паренек обходительный, но дошлый и настойчивый до невозможности.

Женщины на острове оказались болтливой, чем в Дымной. Позднее Тася и причину тому отыскала. На острове всего восемь домов. Колхозники живут одной семьей, отлично знают друг Друга. Посторонние заглядывают сюда редко. Вот и рады женщины с острова поговорить со свежим человеком. А мужиков тут почти нет.

Как потом выяснилось, и жили «островитяне» зажиточней других колхозников. Не потому, что они работали лучше. Были они дружны, умели попользоваться без шума колхозным добром.

Бригадиром здесь много лет бесменно работала Федосья Ральникова женщина крепкая, работающая, но и хитровая. Вырастив без мужа троих детей и «определив» их, она младшего, Осипа, оставила при себе. Когда Осип полностью вошел в курс бригадных дел, Федосья все чаще и чаще стала «болеть». Она сделалась большой любительницей погулять, попеть, и отсюда все ее «болезни». Она, по ее выражению, свое сделала, ребят подняла и имела полное право на отдых. Почти все соседки называли ее кумой, называли не напрасно. В редком доме у Федосьи не было крестников.

Тася нашла Осипа в теплице. Там он мастерил водопровод. Осип семнадцатилетний застенчивый парень. У него румяное и чуть рябоватое лицо. С виду неуклюж, из одежки заметно вырос. Рукава пиджака ему чуть не по локоть, верхние пуговицы у рубашки не застегнуты, брюки узенькими трубочками спускаются в голенища сапог. Но у него удивительно проворные и ловкие руки, глаза умные, но какие-то отсутствующие. «Определенно, этого парня в младших классах называли девчонкой, а в старших – профессором кислых щей», – подумала Тася, здороваясь за руку со смутившимся парнем.

Не надо было обладать проницательностью, чтобы догадаться, с чего начинать разговор. Тася сразу спросила Осипа насчет водопровода: как он устроен и откуда пойдет вода? обстоятельно, с увлечением Осип рассказывал о своей работе, которую он, как потом Тася выяснила, делал из любви к мастерству, без всякого расчета на оплату.

Выяснилось, что Осип выполняет множество других работ, абсолютно не интересуясь, начислит ему мать за это трудодни или нет. Заботами Осипа давно уже держится небольшая теплица, введена механизация на свиноферме и в коровнике. Кроме того, каждую зиму все свободное время Осип убивает на ремонт и остекление парниковых рам. Это был тот парень-универсал, которому все интересно и которому все хочется знать, сделать своими руками.

«Нет, не на острове надо жить этому пареню. Ему простор нужен и учиться необходимо», – решила про себя Тася. Точно подслушав ее мысли, Осип со вздохом заявил:

– Не нравится мне здесь. Мне учиться хотелось. Я бы все равно сюда же вернулся после учебы. – Он надолго замолк и опустил глаза. А Тася напряженно соображала: «Будет здорово, если вот такой парень попадет в штат МТС. Для начала хотя бы на должность ученика механизатора. Такой быстро выучится. Говорят, что в МТС есть человек, обязанный заниматься артельной механизацией, но он пьянствует и в колхозы глаз не показывает». Тася поглядела на Осипа, подумала еще и заговорила:

– А что, если тебе, Осип, попробовать в энтээс поступить? Ты бы смог без отрыва от производства в институте учиться.

– Думал я об этом, да знаю, что мать взбеленится. «Для того, что ли, я вас выкормила, чтобы на старости одинокие годы мыкать?» Вот чего она говорит все время.

– Есть должность в энтээс – разъездной механик. – Тася нарочно употребила это слово, более звучное, вместо неопределенного «механизатор». – Он может жить у себя дома, но разъезжать по колхозам, что там нужно отремонтировать, установить,

наладить.

Глаза у Осина загорелись. Он схватил Тасю за руку и тут же, опомнившись, отдернул руку.

– Поговорите с мамой, а? Поговорите. Вас она послушает. Я бы вот все делал, хорошо бы делал, на совесть.

– Обязательно поговорю. А сейчас вот что, Осип. Не сможешь ли ты часиков на несколько отлучиться в Корзиновку и наладить механизмы в свинарнике? Главное – насос пустить, но у него нет ремня.

– Это мы запросто, – успокоил ее Осип. – У меня есть кусок пожарного рукава, пока его поставлю, а потом, глядишь, и ремень добудем. Только вы поговорите с мамой, Таисья Петровна. Скучно мне здесь, спасу нет. – Он помялся и выложил ей все, что камнем лежало на душе:

– Брагу тут пьют, не пьют, а хлещут, можно сказать. Мать женить меня хочет, чтобы к себе привязать, а я комсомолец, привык к коллективу в школе, а здесь же все один.

«Как-то у меня там Сережка один? – озабоченно подумала Тася. Устроили его ребята в школу, как обещали, или нет? Сумеет ли он догнать остальных учеников? Сумеет. Он уже бойко читает и пишет, научили в детском саду. Только он парень бедовый, трудно учительнице будет. Как вернусь в деревню, обязательно в школу схожу».

Она отправила с Осипом записку, в которой наказывала Сереже не шалить, а ребят Макарихиных просила следить за ним лучше и одергивать при случае.

Разговор с Федосьей Ральниковой закончился не скоро. Федосья себе на уме, поддакивает, соглашается, а сама свою линию гнет.

– Боюсь я отпустить от себя младшего, боюсь. Смиранный он у меня, доверчивый. Обойдут его без меня, окрутят.

Легли спать поздно вечером, переговорили о многом, а вопрос об Осипе так и не решили. Парень вернулся из Корзиновки, послушал, послушал и сумрачный залез на печь. Долго ворочался, вздыхал он там. Федосья не выдержала и среди ночи сердито закричала из другой комнаты:

– Перестань кряхтеть, как домовый. Пойдешь завтра куда надо. Эк тебе мать-то надоела. Враг она тебе, враг?!

– Федосья всхлипнула и высморкалась.

Осип обрадовался, затих. Утром он проводил Тасю в шестую бригаду, а сам с ее запиской убежал в МТС к главному механику.

В шестой бригаде агронома встретили неприветливо. Бригадир – бывший председатель, человек ущемленный и потому злой на всякое начальство. Особенно на то начальство, которое докучает расспросами и пытается что-то советовать или, еще тошнее того, берется приказывать.

Первая стычка у Таси была с овощеводом шестой бригады Разумеевым. Она осмотрела подвал, куда ссыпали картофель, и от негодования у нее дух занялся. Сруб подвала сгнил, во многих местах обвалился, сверху протекло. Сусеки были отгорожены на скорую руку. В дальнем углу подвала лежала куча прошлогоднего картофеля с болезненно-бледными ростками, напоминающими водоросли. Ссыпать сюда картофель можно было только на гибель. Тася остановила женщин, таскавших неотсортированный картофель, мокрый и грязный.

– Товарищи, что вы делаете? Здесь картошка замерзнет. Здесь она не сохранится.

– Пропадет, – подтвердили женщины и, опрокинув носилки с картофелем, пошли из подвала. Тася догнала их, стала сбивчиво убеждать в том, что этот труд бессмысленный и даже вредный.

Возле телеги столпились другие женщины. Слушали, слушали, и одна сочувственно сказала:

– Шли бы вы, милая бабонька, к начальству да ему бы все эти речи обсказывали. А мы что, люди малые...

Тася хотела сказать, что все в их руках, они хозяева и могут добиться чего захотят, но присмотрелась к унылым, равнодушным лицам колхозниц и поняла: ее разговоры – пустые разговоры. Обескураженная равнодушием колхозниц, она шла и от бессилия кусала губы.

Разумеев – высокий, костлявый мужчина с огромной сигаркой во рту, выслушав ее, согласно покачал головой.

– Безобразия, конечно. Я бы сказал, даже головопупство. Однако яму отремонтировать некому да и средств не выделяют.

– При желании все можно сделать.

Разумеев смерил ее насмешливым взглядом:

– Вот ежели имеете желание, возьмитесь отремонтируйте, а нам покудова недосуг. – Он выплюнул сигарку в лужу и пошел от Таси прочь, покачиваясь из стороны в сторону, будто под той и другой ногой у него прогибались доски.

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru

Тася догнала его и сказала, что она запрещает засыпку картофеля. Разумеев подумал и согласился:

- Ладно, я баб отпущу. Только отвечать за это вы будете.
- Хорошо, отвечу.

После этого она схватилась с бригадиром. Если до сих пор все, кого она встречала в шестой бригаде, говорили с ней вяло, нехотя, то бригадир кричал, бесновался, бегал по избе:

- Много вас туг указчиков! Поработали бы, не поспали бы... – И все в таком роде. Слушать его было не интересно.
- Почему вы не возите картофель в Корзиновку? Ведь было же решение правления?
- Перебила она визгливого бригадира.
- Какое постановление? Пятый год постанавливают подвал отремонтировать, да до сих пор ремонтируют. Нам велено здесь засыпать, вот и засыпаем. Начальства много, ему видней.

«Любопытно, почему же тогда они так пристают к Павлу Степановичу? У него овощехранилища подготовлены, и ему приказывают возить картофель, а здесь все развалено и велят засыпать? – недоумевала Тася. – Надо будет завтра в Корзиновку возвращаться и выяснить. В заречные бригады позднее поеду».

Встреча Таси с бригадиром закончилась более мирно, чем можно было ожидать. Тася заявила, что, если завтра не приступят к ремонту подвала, она немедленно вызовет комиссию из МТС.

Утром рано визгливый голос бригадира уже разносился на краю деревни возле овощехранилища. Он пушил все начальство, которого, по его мнению, больше, чем картошек в подвале, грозил кулаком мужикам и женщинам, ремонтировавшим подвал. Залатают дыры, выбросят гнилье, и только. Настоящим ремонтом заниматься поздно. Это Тася отлично понимала. Но хорошо, что она хоть в малом добилась своего, не уступила.

Поздно вечером Тася с попутной машиной возвратилась домой.

На следующий день Тася пошла в правление. Там ее поджидала жена председателя. Та самая красивая женщина, похожая на цыганку, которая читала «Пионерскую правду» при первом появлении Таси. Она поздоровалась с Тасей за руку, прощупала ее через полуопущенные ресницы своими темно-кариими глазами с лукавинкой.

– Что же это вы не изволите принять агрохозяйство? Обходите своего предшественника? Нехорошо так, нехорошо. Опытм старших товарищей пренебрегать нельзя.

– Каким? – спросила Тася, оглядывая женщину, о которой уже успела слышаться. Не понравилась она Тасе и деланным радушием, и жеманством, скрывавшим что-то, должно быть, презрение ко всем на свете.

– Практическим, – насмешливо ответила Клара. – Теория без практики, как вам известно...

– Позвольте ключи от лаборатории, – попросила Тася, пытаясь скорее закончить колкий разговор.

– Ключ? Пожалуйста. Между прочим, там единственная ценность – замок на дверях. Остальное все растащено и перебито еще до меня.

– Так что мне опыт перенимать не на чем? – так же насмешливо поинтересовалась Тася.

– Рутинка осталась, попробуйте ее. – задумчиво предложила Клара.

– Спасибо за совет.

– Не стоит благодарности. – Клара Птахина посплюнула мизинец, разгладила им брови, глядясь в кругленькое зеркальце, и полюбопытствовала: – Вас проводить до лаборатории?

– Я знаю, где она. Лучше объясните мне, пожалуйста, такую вещь: почему правление настаивает на том, чтобы из бригад свозить картофель и овощи в Корзиновку. Овощехранилища здесь, как я убедилась, далеко не лучше бригадных.

Клара стрельнула глазами по сторонам. Во взгляде ее отразилось мгновенное замешательство, но уже через секунду на этом красивом лице снова застыла ироническая усмешка.

– О, милая моя, вы делаете успехи! Уже познакомились с бригадами? Похвально, похвально! Однако со всеми претензиями советую обращаться к товарищу Птахину. Надеюсь, он вас выслушает внимательней, нежели меня. За сим разрешите откланяться.

На какую-то долю секунды глаза Клары блеснули изпод густых ресниц, и Тася увидела в них застывшую ненависть. «О-о, эта кошка когтистая. Не напрасно о ней так много слухов в селе», – отметила про себя Тася.

Ознакомительный отрывок

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Астафьев Виктор Петрович Тают снега astafevvictor.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!